1990

Петр Искренов

ЕСЛИ ТЫ НИКОМУ НЕ НУЖЕН...

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧИ С БОЛГАРИЕЙ

Так назывался популярный и среди советских читателей конкурс, объявленный журналом *„Болгария"* в 1989 году. Для тех, кто не вошел в число победителей, журнал *„Болгария"* предлагает и в новом, 1990-м году, интересные встречи с Болгарией и болгарами.

Как мы живем, как чувствуем себя в этом мире, как изменяемся? Ответы на эти вопросы вы найдете в материалах под рубрикой „Будни", „Конфликты", „Мир молодежи". Авторы публикаций под рубрикой „Адам и Ева" помогут вам вникнуть в деликатные вопросы любви и семейной жизни. С тем, как относятся наши соотечественники к различным сторонам жизни других народов, вас познакомит рубрика „Мир глазами болгарина".

Самую примечательную, интересную и новейшую информацию о событиях в области болгарской культуры предлагает рубрика „Семь искусств". А „Предприимчивые" расскажут об инициативных, готовых к риску владельцах коллективных и индивидуальных частных фирм.

„Встречи с неизвестным", с исполнителями болгарской рок-музыки, с ее различными стилями, с известными спортсменами и законодателями моды, а также множество других любопытных материалов подготовит для вас рубрика-калейдоскоп „101". Один из номеров журнала будет полностью подготовлен по желанию наших читателей.

Адрес редакции
1184, София, бул. Ленина 113,
журнал „Болгария" ☎745114
Коммутатор – 74301
Телекс – 22837,
Телефакс – 74-51-32

Петр Искренов

ЕСЛИ ТЫ НИКОМУ НЕ НУЖЕН...

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мария Генчева, перевод с болгарского
Игорь Журавлев, редактор перевода

Художник Светлин Танев
Техн. редактор Орлин Ковачев
Корректор Валя Парушева

1.

Любой, кто наблюдал бы за иами издалека в этот момент, подумал бы: случайная встреча, мужчиоа среднего возраста (торопится иа работу) и седая малеиькая женщиоа, иаверное его тетя (вышла иа улицу только для того, чтобы прогулять своего пуделя и купить иеобходимое в магазиие). Давно не виделись. Племяиник обещает иавестить ее как-иибудь вечером. Непремеиио выпьют чаю, поболтают...

Наверно, так мы выглядели издалека, но как любил говорить мой иачальник, ие тот случай... Узенькое простраиство между мною и этой жеищииой светилось от иапряжеиия, которое излучали иаши лица, иаши сжатые губы, взгляды, хотя иаши глаза старательно блуждали где-то... Мы ие зиали куда их спрятать. Из реки извлекли огромиый брезеитовый узел, и ребята уже тащили его по крутому скату к иам. Я старательио счищал грязь со своих туфлей, малеиькая жеищииа конвульсивио дергала поводок своего пуделя, который встревожеиио поглядывал иа нее своими блестящими глазами.

– Но это ужасио! – ие выдержала оиа, ее голос прозвучал плаксиво.

Оберись я, и оиа сразу же бросилась бы бежать.

– Ужасио, – произиес я, – ио случается.

– Идет себе человек, – продолжила оиа и махиула рукой в стороиу реки. – Идет себе и иичего ие зиает...

– Человек обычио ие зиает, – прервал я ее, чтобы сорвать истерику, уже мелькавшую в радужиой оболочке ее глаз. – Если бы зиал, ио вряд ли был бы счастлив. А вы как смогли его увидеть? – улыбнулся я ей приветливо. – У вас хорошее зрение?

– Никак, – произнесла жеищииа, – ио каждое утро я прохожу здесь. Из-за иего, – оиа кивиула иа собачку, – мешу эту грязь... Я здесь каждый уголок зиаю.

– Уголок? – я посмотрел иа иее заинтересованио, очеиь уж умилительио прозвучали ее слова.

– Да, а что? – вспыхнула женщина, как будто ее схватили за каким-то иечестиым делом, и забормотала скороговоркой: – Я люблю смотреть вокруг себя. Каждая травинка... Все живое попряталось по своим теплым гнездышкам. Пережило зиму... Сейчас подиимется...

– Вы иаверно пописываете? – засмеялся я. – Призиайтесь, когда-иибудь вы это делали...

– Прошу вас! – зло сказала оиа.

Ее восклицаиие прозвучало для меия как предупреждеиие: „Осторожиее! Если перебарщиваете..."

– А что? – иевииио пожал я плечами. – Это иикого не трогает. Никому ие мешает. Рассказы о природе... Эссе, размышлеиия... Просто так, – для себя. Праздники души...

– Хм, праздники! – презрительно поморщилась оиа.

– Извините! – произиес я.

Я иевольио толкнул ворота, за которыми, кто зиает сколько, пряталась эта старушка: уставшая, иапугаииая и одинокая... Не зря она восхищалась травинками: иадеялась, как они, устоять перед зимой, а если можио, то и перед старостью. Теперь я был уверен, что оиа ведет диевиик: толстая, роскошиая тетрадка, эффектиые, трогательиые выражеиия... Еще сегодия опишет свои переживания у Перловской реки. Она так живет, полностью отдаваясь своему прошлому, что каждый следующий деиь встречает как воспомииаиие о чем-то, уже случившемся, зиакомом со всеми подробиостями. И чтобы спастись все-таки от сомиеиий, оиа заиосит свои дии в дневиик как в иивеитариую киигу.

„Возможио, эти описаиия и потребуются", – подумал я и обериулся. Здания иапротив смутио просматривались черсз закопчениую, пропитаииую влагой вату утреииего мрака. Из холодных складок земли поднимался ветер и ломал сухие ветви над нами... Его порывы продували влажный тяжелый воздух, насыщая его уютиым, как бы из сна, запахом гиилых листьев и дыма. Вдоль перекопаниой улицы высились холмики беспорядочио иабросаииой глииы. Водители искали объездные пути к гостинице „Плиска".

Вот уже несколько месяцев бульдозеры пытаются иавести порядок в этом хаосе из грязи. Райои между двумя мостами мы обгородили веревкой и безрезультатно его прочесывали. Прохожие, привыкшие уже к ограждениям иа улице, обходили веревку, не проявляя иитереса к нашему присутствию. Лишь пришедшие раньше времеии рабочие, делая вид, что заняты печками в своих фургоиах, время от времеии поглядывали иа иас с недоумением: „А эти... чего оии здесь крутятся?" Зрителей пока мало, – подумал я, – ио через час здесь будет такой митииг...

Ребята пыхтели, подиимаясь по раскисшему от влаги скату реки. Тяжелый брезентовый узел пригибал их к земле. Края брезента волочились по грязи. „Чехол от машииы, – отметил я. – Обычио иа нем пишут номер машины... Если это так – пой, сердце, пой!" Кто знает почему, ио я очень рассчитывал на этот номер.

– Не пора ли мне идти? – спросила старушка, иеподвижио уставившись в ребят.

– Подождите, – произиес я и виовь попытался улыбиуться. Лицо было будто из гипса, болели скулы.

Старушка поджала губы. Даже если бы оиа прищурилась, ее глаза выглядели бы вытаращеиными. Необычай-

но розовая кожа ее рук блестела как будто была чем-то начищена.

Я вспомнил ее детские выражения, склонность разделять слова, как она пытается вбить их в сознание собеседника ненужными и нелогичными ударениями.

– Вы кажется недавно на пенсии? – спросил я.

– Да, – она удивленно посмотрела на меня.

– Учительница? – пристально посмотрел я ей в глаза.

– Да, да... – панически вздрогнула маленькая женщина, голос ее был хриплым.

Я мог бы продолжить: „Фарингит? Плохие сны? Одиночество? Мысли о небытии? Полуночные разговоры с мертвецами?“ – я знал какими будут ответы, но надо было ее пощадить... Ей предстояло серьезное испытание.

В конце концов, ребята вытащили узел и положили его перед нами. Я, не отрываясь, смотрел на огромные кроссовки, торчащие из одного его края. „В кроссовках в такой холод! – удивился я. – Это нужно запомнить...“

– Не разворачивайте его! – взмолилась старушка и отступила назад. – Не надо, не делайте!

– Конечно, – произнес я. – Это сложно и отнимает много времени.

Я кивнул головой, и один из ребят, как будто только того и ждал, наклонился и быстро разрезал брезент.

– Нет! Нет! – закричала старушка и хотела убежать, но я ее остановил.

Я стоял за ее спиной, легко сжимая ее плечи, и старался скрыть свое удивление. Перед нами лежал огромный мужчина. Его красивое удлиненное лицо было чистым, – никаких следов от ударов, никаких подтеков, кровь спокойно отлила от его кожи... Левая рука спокойно лежала на груди, а правая была как-то нервно вытянута вдоль его тела, как будто он пытался развернуть брезент.

– Нет! Нет! – продолжала всхлипывать старушка и энергично крутила головой.

– Вы знаете его? – спросил я, хотя знал, что этот вопрос излишен.

Она скорчилась в моих руках и взметнула на меня глаза, полные ужаса:

– С какой стати? Я никогда его не видела.

– Можете идти, – вздохнул я и отстранился.

Женщина стала отходить задом, не отрывая взгляда от мертвого. Я встал перед ней так, чтобы закрыть его от ее глаз.

– Это страшно, но случается, – сказал я и кивнул в сторону ребят. – А кто-то должен делать и это дело...

– О, да, да... Это так, – усердно и как-то услужливо закивала старушка.

– Не думайте только, что мы привыкли, – настойчиво сказал я. – К этому, – я кивнул на мертвого, – нельзя привыкнуть...

– Понимаю вас, понимаю... – качала она головой и отходила. – Извините...

– За что? – удивился я.

– Но... – пробормотала она, – если я вас затруднила.. Если что-то напутала.

– Напротив, – сказал я. – Вы помогли нам. Иначе, – я показал на труп, – кто знает, сколько бы он пролежал на дне...

Старушка опустила глаза. Около ее рта появилась конвульсивная складка, в которой читалось яростное отрицание моей похвалы. „Так она может отречься ото всего“, – подумал я.

– Сожалею! – сказал я. – Сожалею, что только при вас это случилось...

Она пожала плечами: „Что поделаешь?“ – и в первый раз посмотрела мне в глаза. Она была благодарна мне и просила продолжать. Сейчас она, действительно, нуждалась в словах, во множестве слов, в милости и утешении. Ее первоначальная дрожь прошла, и наступил жестокий гнет размышлений. Экзальтированная настойчивость в ее зрачках смутила меня.

– Благодарю вас еще раз! – скованно поклонился я ей.

– Если я опять вам потребуюсь, – произнесла старушка, – не приходите ко мне домой. Пришлите вызов...

– Вряд ли это потребуется, – сказал я. Мне хотелось еще добавить: „Живите спокойно!“, – но старушка повернулась и засеменила к мосту.

2.

Стон прозвучал так глухо и издалека, что я подумал: „Не снится ли мне?“ Мрак вновь выдохнул его от кровати моего сына. Я встал и включил лампу. Мальчик прищурился от света, осветившего его побелевшее и изменившееся лицо:

– Болит! – он показал на правую сторону живота. – Вот здесь...

– Что ел на ужин? – склонился я над ним.

– Брынзу и чай, – простонал мальчик.

„Наверняка аппендицит“, – подумал я.

– Это не страшно, – сказал я. – Вставай.

Я заказал по телефону такси, оделся, помог одеться сыну, и мы стали ждать.

– Как у тебя болит, толчками? – спросил я его. – Боль пульсирующая?

Сын сжал губы. Он ждал от меня помощи, а я ему надоедаю вопросами. Я улыбнулся:

– Видишь ли... Ты уже большой. Еслн потребуется, – ложишься на стол, и иикаких сцен.
– На какой стол? – быстро взглянул он на меия из-под ресииц.
– Как на какой, на операциоииый, – пожал я плечамн. – Это безобидиее, чем операцня на гланды, но ее нужно сделать сейчас же...
К двум часам мы были в „Пироговке". Корндоры детского отделения, в которых днем невозможно протиснуться из-за людей, сейчас пустовалн под мерцающим светом ламп. Я постучал в дежурный кабннет. Никто ие ответил. Виутри горел свет. Я опять постучал н открыл дверь. За столом сидел молодой, рано облысевшнй врач. Напротив иего, иа кушетке, развалнлась сестра. Онн разговаривали. На меия посмотрелн смущенно: наверное, не ждали, что кто-то потревожнт нх в это время. Я подумал: „Не перепутал лн опять дверн?".
– У иего болит живот, – кивнул я на мальчнка н сам удивился своему голосу: ои звучал слишком беззаботно н бодро в этот полуиочиый час. – Посмотрнте его?
– Сколько ему лет? – спроснл врач, не меняя своей позы.
– Трииадцать, – сказал я. – Трннадцать н четыре месяца...
– К нам, – с иеохотой вздохиул он. – Войднте...
Я помог сыну раздеться, врач склоннлся над ннм: „Где у тебя болит?" – мальчнк провел ладонью по жнвоту.
– Думаю, что зто аппендицнт, – сказал я.
Врач жестом отстраинл меня, усердно прощупал жнвот мальчику, выпрямился, нскоса посмотрел на меня н просопел:
– Это ие аппендицит. Вы ему бусколнзин не давалн?
– Ничего ему не давал.
– Правильно! – похвалил он меня. Успокоительное лишь боль притупляет... Еслн, действнтельно, аппендицит, то зто только подведет нас, н будет непрнятность...
– Но вы ведь сказалн, что зто не аппендицнт?
– Пока иет, – посмотрел на меня выразнтельно доктор.
– Сделайте ему аиалнз кровн, – предложнл я.
– Не иужно, – махиул ои. – Вы где работаете?
Его вопрос был таким неожнданным, что я смутнлся, посмотрел по сторонам и подумал: „И все-такн... не перепутал ли я двери?"
– В мнлнции, – сказал я. – Часто...
Я хотел ему сказать, что мне часто прнходнтся забегать в „Пироговку", может быть, вндеЛнсь, но он меня прервал:
– Работа у вас наверняка нервная? – многозначнтельно сделав удареиие иа последнем слове.
– Да, – кивиул я. – Можно сказать...

– Ну вот! – врач назидательио пожал плечами. – И мальчик у вас иервиый. Спазмы желудочио-кишечиого тракта иногда весьма болезиеииы.
Я потерял терпение и, иаверио, сказал бы ему: „Бабушка твоя – иервиая!" – ио ои уже отвериулся и отдавал распоряжеиие сестре, чтобы приготовила успокоительную ннъекцню...
– Но ведь успокоительное ие рекомеидуется? – скрипнул я зубамн.
– Если не понимаете, ие говорите! – с иеприкрытой неприязнью посмотрел иа меия доктор.
– У вас машиия есть? – спросил я его.
– Да, – вздрогнул ои и тревожио впился в мои глаза. Я понял, что теперь я застал его врасплох своим вопросом. – А что?
– А, просто так спроснл, – я посмотрел иа него невинио, подумав: „Кто знает, сколько штрафов ты выложил по дорогам и сейчас себе нх ие возвращаешь".
Я обиял сына, и мы вышлн нз кабииета. Просто ие посмел сказать доктору, что я подумал о нем. Я заметил: человек нннкогда не говорнт своему комаидиру отделеиия, судье н врачу что думает о ннх. „А, иаверио, и иам ие говорят", – улыбнулся я.
Пока мы ждалн таксн, сын несколько раз взглянул на меня нскоса. Как только мы селн в машину, ои, испугаиный, прижался неуверенно ко мне и сказал:
– Ты знаешь, у меня, кажется, прошло.
На его лнце застыло выраженне озадаченностн, – он словно вслушнвался в себя н то верил, то не верил, что боль отпустнла его.

3.

Человеческая жизнь ие закаичивается иекрологом. О смертн, особеиио насильствеииой, исписывается столько много бумагн, что даже педанты-архнварнусы пожнмают от уднвления плечамн: „Но каков смысл?". К сожаленню, часто досье на смерть гораздо объемиее досье иа жизнь.
Я сндел в своем кабннете н перелнстывал папку, которая со вчерашнего дня возвышалась на моем столе. Чего только уже не было в ией: описания, справки, чертежи и фотографин. „Именно так зто должио выглядеть, – подумал я. – Ииаче сразу же бы иас спросили: чем вы заннмаетесь? А если есть папка, – другое дело ..." На корочках я старательно калиграфнчески вывел: КРАСАВЧИК. Я всегда стремлюсь сам иадписывать папки. Может, зто вам покажется смешиым, ио я убеждеи, что уснлне, направленное на выдумываиие иазвания, подсказывающего содержаине папки, – по сути первый шаг к

раскрытию загадки.

Оперативиая группа постаралась собрать все даниые, связанные с мертвецом. У меня была привычка входить в их лабиринт с отдохиувшими оргаиами чувств и ясиым мышлеиием. Лишь отдохиувшие оргаиы чувств в состоянии связать логическую и эмоциоиальиую цепь фактов, расположеиных, иа первый взгляд, иа расстоянии миллиоиов световых лет один от другого, самым иеобычайиым, ио, в сущности, самым точным образом. Потому что в любом убийстве присутствует творчество, или, по крайней мере, что-то иеобычное и ие на своем месте.

В папке, которую я листал, факты вроде были расположеиы один к другому, ио между ними зияли бездиы. И это усугублялось тем, что эти бездиы иеобходимо было преодолеть при абсолютиом отсутствии даииых о личиости умершего. Мы располагали иесколькими ориеитирами: рост – метр восемьдесят шесть, вес – восемьдесят килограммов, предполагаемый возраст – между двадцатью пятью и тридцатью годами. Молодой, сильиый, здоровый человек. Как видио по его фотографии, которую мы сделали, – и красавец. Если судить по его рукам, – рабочий. И вдруг, – крутой скат Перловской реки, огромиая доза снотвориого, при этом без единого грамма алкоголя...

На малеиьких карточках я записывал предположеиия, иевыясненные пока вопросы. В полвосьмого, как только я расположил карточки на столе и прииялся гадать с чего мне иачать, в кабинет неожиданио вошел мой помощник Славчо Кыиев. Он у иас работает иедавио, прислали сразу после училища, которое он окончил с отличием, держится подчеркнуто элегантио, проявляет ненормальиые амбиции, стремясь быстро продвинуться по службе, однако, как я замечаю, эти амбиции лишь усугубляют его, и без того плачевное, состояние...

– Ну что, пасьянс сходится? – как-то иебрежио спросил он.

– Увидим, – ответил я уклончиво. – Беги за кофе.

– Я принес из дома в термосе.

– Ну, тогда наливай, – и подставил свою чашку, вдохнув ароматиого пара. – Здорово пахнет, сто чертей! Как ты его делаешь?

– Кладу больше кофе, – пожал плечами Славчо.

Вдобавок ко всему, он еще и прозаичен, и чувство юмора ему, кажется, еще в самом раиием детстве удалили, воображение его ие отвлекает, так же как не мучают и возвышенные чувства.

– Сбегай к секретарю, проверь когда мы иа доклад должны явиться, – сказал я. – А на обратном пути прихвати газеты...

Славчо нехотя удалился, а я опять склонился над карточками. И только сосредоточился, как мой помощник влетает в комнату так, будто за ним гонятся.

– Нам иа доклад в одиннадцать, – засуетился он. – Шеф сейчас на совещании, – и склонился над моим плечом с видом соучастника. – Ну что, двигается?

Я прикрыл карточки локтями и вздохнул:

– Рассказать тебе один стишок?

– Какой стишок? – Славчо посмотрел на меня с недоверием.

– А почему нет? – сказал я. – Никогда ие лишне... Думаю даже, что тебя освежит. Слушай... „Когда сижу я над листом, пытаясь к тайне подобрать ключи, то не заглядывай через мое плечо и сам Америко Веспуччи!“.

– Ну, ты даешь! – покраснел Славчо и попытался придать своему восклицанию восторженную интонацию. Потом добавил, будто ничего не случилось. – Читаешь совсем как поэт!

Он уже пришел в себя и пытался уязвить меня.

– Да-а, – небрежно пожал я плечами, – ты ведь знаешь...

– Знаю, – прервал он меня. – Шестьдесят пятая аудитория, веселые студенческие годы и так далее...

– Только для многих этих лет было только два.

– А стишок чей? – с притворным интересом спросил Славчо. – Отлично звучит, знаешь ли...

– Знаю. А ты слышал о Георгии Константинове?

– Честно сказать, нет.

Признался так, будто добро мне сделал.

– Услышишь, – небрежно махнул я рукой. – Когда-то мы были друзьями. Дай сигарету...

Я закурил и оперся о спинку стула. Дым показался мне необыкновенно приятным и вкусным.

– Все разлеглось идеально, – кивнул я на карточки.

– Правда? – наклонился Славчо. – Можно я посмотрю?

– Пока нет, – остановил я его, зная, что слабая паутина моих первых предположений лишь запутает его в собственных мыслях. – Что на тебя произвело самое сильное впечатление в первый момент?

– Когда?

– Ну, когда... – я заколебался. – Когда мы его вытащили из реки.

– Ну-у... – задумался Славчо и неожиданно мямлнул с пренебрежением. – Породистый экземпляр!

Я взглянул на него и усмехнулся. Опять это никчемное чувство неполноценности... Да, глубоко оно засело в нем. Напрасно он пытается скрывать его под умопомрачительной элегантной одежкой и вызывающими манерами нахального типа. Как любой мужчина невысокого роста он ненавидел высоких и красивых. „Человеческое это, –

подумал я. – Когда тебе заслоняют солнце... А вообще-то, хороший парень, у него это пройдет... Мужчина переживает свой первый критический возраст, когда утверждается на службе... Конечно же, это пройдет... Пройдет и забудется".

– Значит породистый... – кивнул я озадаченно и сделал вид, будто передо мной возникли новые проблемы.

– Да, а что? Я что-то не так сказал? – смутился он.

– Напротив, ты был предельно точен, – успокоил я его. – Даже сам не можешь представить, насколько ты был точен...

– Делаем как можем, – заулыбался Кынев, но было видно, что он почувствовал подозрительные нотки в моей похвале.

– Из медицинского заключения известно, – продолжил я, – что этот красавец был отравлен... Огромная доза снотворного. А ты уже знаешь, кто так поигрывает со снотворным...

– Конечно, – кивнул он, – женщины... Обманул какую-то и – хоп...

– Хоп, это только в мультфильмах, Славчо, – прервал я его вразумительно. – И иногда в цирке... Смотри, – я показал ему фотографию.

На ней молодой мужчина выглядел как живой с развеянной надо лбом прядью волос, с прищуренными глазами и полуоткрытым хищным ртом, – настоящий марафонец, укротитель духа, красивый и мужественный, через несколько секунд после того, как пересек финиш, победитель, оглушенный овациями.

– Женщины его обожали безумно, – продолжил я глухим голосом, – ждали одного только его знака, преследовали его... Довольно-таки странно для этого века отчуждение, не правда ли? Хотя по сути, большинство любили его ради самих себя. Как красивую вещь. Это мужчина из грез, Славчо, хотя иногда он и относился к ним даже... как бы это сказать... неучтиво. Молодые надеялись, что он им подарит радость всей вселенной, а более зрелые и умные – хотя бы те радости, которые они упустили...

– А ты не преувеличиваешь? – искоса посмотрел на меня мой помощник.

– Ничуть, – я наклонил голову. – И самые добродетельные супруги заглядывались на него. Красота – это божий дар, Славчо. Этот красавец, – запомни! – не был отравлен женщиной... Хотя его смерть и связана каким-то образом с миром женщин.

– Ревность? – воскликнул Кынев.

– Скорее всего, – задумался я. – Некий индивидум с ослабшей психикой, но, однако, весьма крепкий физически... Поднять восемьдесят килограмм – это не шутка...

– Не знаю, согласишься ли ты со мной, но беготни будет... – Славчо зевнул, вроде бы, сдержанно, но так подчеркнуто небрежно, что я обязательно должен был бы заметить его равнодушие.

– Да-а-а, – я с трудом сдержался, чтобы не зевнуть. – Осталось ли еще немножко кофе?

– Две-три капли, – прыснул Кынев и наполнил мою чашку.

– Самое необъяснимое для меня, – продолжил я. – это снотворное. Такую огромную дозу невозможно ввести незаметно...

– Да, беготни будет много, – повторил мой помощник. – Мы ничего о нем не знаем.

– Наоборот, мы знаем очень много, – попытался я его ободрить и встал. – Такие красавцы не валяются и там, и сям... А беготня уже началась. Эти рассуждения, – я показал на свой стол, – были так, чтобы разогреться. Вот тебе первая задача, – я дал ему одну из карточек. – Лучше всего, если проверишь в центральном управлении валютных магазинов. Без двадцати одиннадцать я тебя жду здесь... А сейчас забеги в технический отдел. Попроси, пусть они еще раз осмотрят его одежду.

– Они еще ее не обработали?

– Обрабатывают, – сказал я, – но без особого успеха. Нас интересует любая пушинка. Кроме того, напомни им, что одежда нам нужна целая.

Славчо кивнул, одел пальто и вышел.

Адрес, который привлек мое внимание, находился на склонах Витоши. Жилой многоэтажный дом, – серый, грязный, наверное, одно из первых детищ панельной архитектуры, – навевал скуку. Я не ожидал найти кого-нибудь в этот предобеденный час, но поднялся на второй этаж и нажал звонок. Торопливый звук прокатился бессмысленно вглубь квартиры, поскребся о бетонные стены и замер. Я вслушался, – ни звука. Повторил попытку, на этот раз более продолжительно и настойчиво. Никакого результата. Повторил в третий раз и уже собрался уходить. Толкнул легонько дверь, она поддалась. Я ее прикрыл, подождал секунду-другую и толкнул. Дверь отлетела назад, не издав ни звука, как будто висела не на петлях, а на паутине. „Вот так! – произнес я про себя. – Придется искать свидетелей". На всякий случай еще раз нажал звонок. Нажал яростно, чуть ли не вжался в него.

– Какой идиот так звонит? – пробубнил мужской голос буквально в нескольких шагах от меня.

Я вздрогнул и, вглядываясь в полумрак коридорчика, увидел огромного мужчину. В руках у него были очки... Он выглядел расплывшимся от жира, может быть боль-

ше, чем это было на самом деле, – его туловище превосходило все представления о размерах человеческого типа.

– Это я тот идиот, – произнес я, придя в себя. – Полчаса уже звоню. Это вы Румен Георгиев?

– Да, – кивнул он и показал на затычку в своем ухе. – Случайно вытащил другую... А то вообще не услышал бы вас.

– Нам нужно поговорить, – я показал ему свое служебное удостоверение.

– Что это? – он зажег лампу, надел свои очки с толстыми линзами и уставился в документ. – Во! – воскликнул он, чуть не всплеснув руками. – Интересно... Со мной это в первый раз. Что вы хотите от меня?

Я едва скрыл свое удивление. Никак этот слон капризничает? Ему это совсем не идет.

– Я спросил вас, что вы хотите от меня? – на этот раз в его голосе прозвучало нетерпение.

– Ничего особенного – произнес я. – Нужно поговорить.

– Хорошо, – его лицо скривилось в нечто, напоминающее улыбку. Он провел меня через холл, и мы оказались в комнате, достаточно неубранной, которую, имея определенное воображение, можно было бы назвать кабинетом. У стены громоздились стопки книг. На кровати, небрежно прикрытой одеялом, также валялись книги. На столе были разбросаны папки.

– Я, может быть, вам помешал, – произнес я и осмотрелся, ища место, куда можно было бы сесть.

– А, ничего, – махнул рукой гигант и вновь показал на тампон в своем ухе. – Сверху один студент целыми сутками магнитофон гоняет... – С неожиданной для его туловища ловкостью он раздвинул книги на одном конце кровати. – Вот сюда... Пожалуйста.

– Мы, когда были студентами, сутками зубрили, – пытаясь угодить, подхватил я.

– М-м, да, – улыбнулся он, польщенный. Его улыбка подсказала, что когда-то он был симпатичен. – Времена меняются...

– Вы чем занимаетесь, если это не тайна? – полюбопытствовал я.

– Тайна – поморщился он. – И для меня самого тайна. Теория сверхнизких температур...

– Ага, – глуповато кивнул я. – Наверняка работаете допоздна?

– Каторжный труд! – его голос опять зазвучал капризно. – И конца, и края ему не видно...

– И вчера вечером работали допоздна? – я внимательно наблюдал за ним. – И позавчера...

– Постоянно... – вздохнул гигант, наклонив свою массивную голову. И вдруг насупился, украдкой взглянул на меня, нахмурил лоб. – Хотя, а что это вас интересует моя работа?

И прежде чем я успел набрать воздух, чтобы ответить ему, он быстро обернулся и навалился на стол. Его руки, слишком короткие для его объемного тела, стали раскидывать неровно сложенные листки, рукописи. Он был похож на обезумевшего тюленя в луже. В конце концов, он нашел страницу, которую искал, сунул ее наугад в одну из папок, положил сверху нее несколько справочников и повернулся ко мне с просветлевшим лицом. Вздохнул. Только что ладони не отряхнул по-детски.

– Чистая работа! – засмеялся я.

– А чем вас интересуют мои... дела? – настойчиво спросил он, как будто не заметил моей реакции.

– Вы – владелец ЗАЗ – 124563 ... – перешел я на официальный тон.

– Был, – кивнул гигант.

– Ну, давайте... – я прикусил язык, хотя мне так хотелось его спросить: „А не врете ли?"

– Давно его не вожу, – объяснил он. – Не нужно.

„Чего ты выворачиваешься?" – подумал я.

– Смена ценностей, – хитро улыбнулся он, как будто догадался о моих мыслях.

– Интересно! – воскликнул я. – В ваши годы... так неожиданно...

– Потребовалось, – вздохнул он. – Гонялся, как идиот, за машиной, за квартирой, за мебелью, за тряпками. За чем только не гонялся... Думал, наука подождет. И так загубил массу времени. Сейчас ничто, кроме науки, меня не интересует.

„Ишь как мы заигрались, – подумал я про себя, – так мы и до завтра не кончим".

– Где ваша машина? – спросил я.

Наверное, мой голос прозвучал слишком резко, так как гигант испугался, поглядел на меня озадаченно и пожал плечами:

– М-м ... посмотрите там, – махнул он рукой в сторону окна. – Наверняка внизу.

Я выглянул на улицу. Среди чинно поставленных на стоянку перед домом машин торчал один-единственный „Запорожец", приподнятый на брусках. Выглядел он довольно-таки заброшенным.

– Этот синий, что ли? – спросил я.

– Да, – неуверенно сказал он, – вроде был синий...

– У вас украли чехол с нее, – произнес я. – Мы поймали вора.

– Ну! – воскликнул он. – И кому он потребовался? Он же весь рваный был.

„Не такой уж ты отшельник, – подумал я, – если знаешь

как он выглядел“.

– Ему потребовался, – сказал я и приковал гиганта взглядом. – Вы собирались обращаться с жалобой?

– Ну уж! – чуть ли не обиделся он. Лучше бы он и развалюху мою забрал... Я ведь вам уже сказал, что меня теперь ничто не интересует.

Я понял, что напрасно теряю время с ним и пора уходить.

– У вас никакая обувь не пропала? – спросил я. – Туристская.

– Простите? – недоумевающе наклонился он, посмотрев на свои ноги. Потом встревоженно посмотрел в угол, где возвышались его стоптанные полуботинки. – Вот моя обувь.

– У вас какой размер? – улыбнулся я, ища его расположения.

– Сорок третий, – произнес гигант. – А что?

– В доме вора мы нашли одни...

– Не мои! – поторопился он жестом отбросить мои предположения.

– Что-нибудь другое у вас пропало?

– Откуда я знаю! – пожал плечами гигант. – Не объясните ли мне, а в чем дело?

– Предполагаю, что скоро наружу вылезут еще несколько краж.

– Ну, это уже ваше дело! – вскипел он.

– Да, это так, – произнес я, – но вещи – ваши. И если граждане нам не помогут...

– Граждане! – презрительно махнул рукой он. – Лучше вы вора немножко прижмите. Экспериментируйте!

– Простите! – я смущенно посмотрел на него. – Что мы должны делать?

– Экспериментируйте! – торжественно прозвучал его голос. – Эксперимент – мать открытий, верьте мне. Материя постоянно преподносит неожиданности.

„Не из-за этого ли ты такой капризный?“ – разозлился я. Подождал секунду-другую и встал.

– Прекрасно, – сказал я. – Обязательно себе это запишу.

– Запишите это себе, – настоятельно произнес он и отвернулся к своим рукописям. – Это фундаментальная истина.

– Мне хотелось бы посоветовать вам кое-что, – сказал я. – Надеюсь, вы не обидетесь?

– Я не обидчивый, – великодушно махнул рукой он, мечтая поскорее выпроводить меня.

– Занимайтесь спортом, – произнес я. – Занимайтесь, иначе при таком сидячем образе жизни...

Он понял меня правильно, но не смутился.

– Моя беда пришла от спорта, – сказал он. – Десять лет назад я занимался штангой, а потом забросил

– Нужно опять заняться, – попытался я его утешить. – Еще не поздно...

– Времени нет, – нетерпеливо махнул рукой он.

– Супруга ваша дома? – спросил я на всякий случай.

– А посмотрите там, – небрежно махнул рукой гигант.

Я открыл дверь в холл и застыл: передо мной стояла молодая женщина. Она смотрела на меня в упор. Я готов был поклясться, что она нас подслушивала. Продолговатый узкий нос, испитое лицо, бледные нервные пальцы... „Живая пороховница! – подумал я про себя. – Одной искры хватит, а потом только смотри... А здесь их, сколько хочешь. Эта – из самых опасных, – отметил я. – Проворная и некрасивая“.

– Зачем вы теряете время, расспрашивая его? – улыбнулась она и, не ожидая ответа, протянула руку. – Очень приятно, Георгиева, – и крепко пожав мою руку, продолжила. – Он никогда ничего не знает. Никогда ничего!

Мне чертовски нравятся женщины, которые говорят от имени своих мужей. Кроме того, ее слова звучали двусмысленно и провоцирующе. „Может, она и права, – подумал я. – В ее муже давно засели низкие температуры, „Запорожец“ стоит, приподнятый на брусках, а наверно и семейное счастье...“

– Товарищ из милиции, – гигант представил меня так, будто хвалился знакомством со мною. – У нас украли брезент с машины.

Жена смотрела на него прищурившись, покачиваясь на носочках, и улыбалась. Она отлично знала, кто я такой и откуда.

– Вы были в квартире, когда я вошел? – спросил я ее.

– Наверно была, – произнесла она. – Я сейчас спала: что-то нехорошо себя чувствую.

– Было открыто, – сказал я. – Так вас совсем обворуют.

– Воровать нечего, – пробормотал муж.

– Он так считает, – съязвила его жена, обернулась и пошла. Она явно не хотела разговаривать при нем. Прежде, чем последовать за ней, я махнул рукой гиганту:

– До свидания!

Он лишь кивнул.

Женщина ждала меня в коридорчике, опершись об стену. Органы ее чувств были начеку, и вся ее поза выражала готовность молниеносно среагировать на любое посягательство.

– Вас совсем не интересует чехол? – спросил я.

– Нет, – вздох облегчения, тело расслабилось, но враждебная подозрительность не исчезла из ее взгляда. Ей все еще не верилось, что их беспокоят из-за одного рваного куска брезента.

– Вы вчера вечером дома были?

– Да.

– А позавчера?

Поколебавшись, она ответила:

– Да, да... А где же мне быть? А что общего это имеет с чехлом?

– Может быть, вы вора видели, – пробормотал я и понял, что ошибся.

Женщина прыснула, и сумасшедший хохот задрожал в ее горле. Смеясь, она обошла вокруг меня, как будто хотела осмотреть со всех сторон.

– Ну, как хотите! – произнес я самым беззаботным голосом. – В конце концов – один чехол...

Она с усилием подавила свой смех и смерила меня взглядом.

„Не делай из меня дуру!" – по-деловому предложил ее взгляд. Я пожал плечами: „Согласен!", – и пошел. Шел к дверям и знал, что женщина следит за мною. Ее глаза поглощали каждое мое движение, быстро дробили его на сетчатке и анализировали... У дверей я обернулся и открыто посмотрел на нее:

– Сохраняю за собой право на еще одну встречу.

– Не говорите глупости, – срезала она меня. – Это право вам дано законом.

Она хлопнула дверью за мной, и пока удалялась в полумрачном коридорчике, я слышал ее бурчание: „Милиционерские штучки!".

„Злобная и дикая, – сказал я про себя, – ничто ее не волнует". Это заключение засело в моей памяти.

5.

В конце моего второго года учения отец позвал меня в свою комнату о чем-то поговорить. Он позвал меня якобы невзначай и как бы между делом, но голос его был тонким от волнения. Сколько себя помню, мы лишь два раза разговаривали наедине, и ожидание этих разговоров всегда меня будоражило. В последнее время отец все чаще впадал в мрачное настроение, вскипал по мелочам и после этого молчал по целым дням.

Встретил он меня хмурый, сел за круглый столик, долго водил по нему ладонью, посматривая на меня своим суровым взглядом, под которым я всегда стоял смирно и сказал:

– Нужно, чтобы ты нашел себе работу. Меня увольняют на пенсию... Сам понимаешь, с восьмидесятью левами...

– Понимаю, – пробормотал я, чтобы заглушить стенание в его голосе.

Новость эта меня не огорчила, – предстояло очередное приключение.

– И мне, как и любому отцу, хочется... – опять начал он, но голос его сорвался, на этот раз совсем заметно, и невозможно было это скрыть.

– Не бери на ум! – махнул я небрежно рукой. – Где наша не пропадала.

– Ты почему меня прерываешь? – негодующе сказал отец и прикрыл глаза с видом человека, едва сдерживающего свой гнев, лишь кадык его ходил вверх-вниз, безрезультатно пытаясь сглотнуть комок, застрявший в его горле.

– Ты знаешь, я работы не боюсь, – попытался я его успокоить. – Каждое лето езжу на стройки.

– Это не для тебя, – чистосердечно вздохнул он. – Одно дело мышцы развивать во время каникул, другое – связать себя на всю жизнь... Сгниешь...

– Ты начал с двенадцати лет и выдержал, – заупрямился я.

– Уцелел! – крикнул он и задрожал. – Уцелел, но ни на шаг не продвинулся вперед. Как только подумаю, если мои друзья стали...

Я хотел ему сказать, что сам виноват. Сколько лет мы с мамой уговаривали его бросить свою проклятую работу в торговле, зачем ему надо было дрожать над товарами, чуть ли не телом своим прикрывать их от мошенников и воров, кланяться ревизорам в металлических очках... Когда перед ним открывалась возможность перейти на другую работу, более чистую и лучше оплачиваемую, после которой и пенсия была бы выше, – он вроде бы соглашался, но в решающий момент только рукой махал: „А, мне и тут хорошо!". А ведь хорошо не было. Ночи напролет не спал. От страха умирал из-за своей проклятой работы. Я был убежден, что в сердцевине этого страха возвышалась необузданная радость его первого рабочего дня в торговле. От мамы я знал, как он благословлял счастливый случай: „В конце концов, наверняка, серьезное дело!" – как упивался своим положением человека, твердо вставшего на ноги, как подробно, с упоением расписывали они программу своей будущей жизни: тихое семейное счастье, двое детей, непременно мальчик и девочка, честное исполнение обязанностей, ценою даже больших усилий, медленное, но уже верное продвижение по служебной лестнице аж до самого верха, честная, благоприличная самостоятельность (зажиточность). От недостатка усилий, тревог и зла он никогда не страдал, дети (мальчик и девочка) родились вовремя, но после того, как скупердяйка-судьба занесла эту наличность себе в книжку, она громко щелкнула ему по носу, – и все, конец.

Его друзья и коллеги легко преодолевали перевалы

служебиой лестиицы, а ои все оставался иачальииком склада, иесмотря иа похвалы и мелкис иаграды, иесмотря иа прекрасные характеристики. „Почему так, почему?" – спрашивал, иаверио, себя отец, и его первоначальиая радость вырождалась в иеувереиность, в страх ие потерять и зту скромиую работеику, которая все-таки обеспечивала его семью.

– Хорошо, – сказал я ему тогда в сумеречиой комиате. – Что ты мие посоветуешь?

– Поищи что-иибудь полегче, – вздохиул ои. – Пусть ие серьезиое, с иевысокой зарплатой, ио полегче, чтобы пережить до получеиия диплома. И запомии! – голос его зазвеиел. – Где бы ты ии был, сколько бы ты ин получал, если кто-то попытается тебя уннзить – бегн! Беги! – крнчал он, – бегн, куда глаза глядят. Беги, голодиый, неприкаяиный, оборваииый... Бегн!

Он задыхался, лицо его потемиело, н нужио было его вывести в сад иа чистый воздух, чтобы ои пришел в себя. Сердце у иего было ие в порядке. Выйдя иа пенсию, ои в качестве завхоза одиой нз геологических экспедиций ушел в Балкаиские горы, и то лн от чистого воздуха, то лн от душевиого общеиия с простыми людьмн, ои как будто выздоровел, поправился, повеселел. „Пусть меия лучше убьют, – говорил ои, – чем я хоть иа миг войду в тот паршнвый склад!". Да, добнться счастья в шестьдесят три года – ие весть какая утеха.

Мой дядька, Раигел, у которого я учнлся ремеслу летом, как только узнал, что я ищу работу, сразу сказал: „Иди ко мие, будешь получать хорошие деньгн. После обеда буду тебя уроки учить отпускать". Предложеиие его звучало привлекательио, – прн такой ситуации мие даже ие было иеобходнмости переходнть иа заочное обучеиие, – но я уже достаточно хорошо зиал своего дядьку и был уверен, что ои очеиь скоро забудет обещаииое. У иего была одна страсть, одиа стихия – иорма. Если к вечеру его брнгада не вырабатывала двестн процентов, ои не мог спать. Ученнкн у него всегда былн нзмучениые. Я ответил уклончиво на его предложенне, н он рассердндся.

Я не хотел его обндеть и сделал эту глупость нз-за нзбытка самоуверенностн: в тот перпод я вндел себя литературным сотрудником в популярнейшей молодежной газете. Была эра соцнологическнх нсследоваиий, главный редактор газеты торжествеино прниял меня, я прнвел с собой еще одного приятеля нз уннверснтета. Редактор угостнл иас и совсем по-дсловому поставил задачу: подготовнть статут будущей соцнологнческой группы для нсследованнй среди молодежи. Так я и мой приятель оказалнсь одни в пустой комнате и целый день переглядывалнсь, оглупев от неожндаиной радостн, вздыхали и ие зиалн что делать, с чего иачать. За две иеделн мы переругались так, что ие моглн смотреть друг на друга.

Оказалось, что иашн взгляды иа соцнологию в корие расходятся. А перед зтим былн такими единомышлеиниками, что только нскали повод, чтобы поклясться в вечиой дружбе. Думаю, что прнчниой иаших разногласий была одиа потаенная мысль: „Кто же возглавнт группу?" В последннй момент мы все-таки состряпали какой-то плаи, какой-то статут и явнлись иа доклад. Главиый был заият по каким-то неотложным делам, иа следующнй деиь опять был занят. Но мы все-таки вовремя узиали, что его скороспелая идея ие утверждеиа „сверху". Нам выдали какой-то мнзерный гонорар и выпроводнлн по добру, по здорову с пожеланнямн о дальиейшем плодотвориом сотрудинчестве. Мы разошлнсь понура, избегая смотреть друг иа друга.

Так началось мое хождеине по мукам. Мие было совестио уже проснть помощи у дядьки Рангела, в других местах меия встречалн с камеиными лнцами. „У вас стаж есть? – спрашивалн и пожнмали плечами. – Нам иужеи опытный человек". Я усердно кивал в ответ, быстро соглашаясь. Шел по улицам и проклииал заколдоваииый круг: чтобы набрать трудовой стаж, когда-то иужно иачать работать, но начать иевозможно, так как нет стажа. Я корил себя за робость, с какой переступал пороги, за свое нnтеллнгеитское нытье: „Если есть какаяннбудь возможность, я буду вам очеиь прнзиателен...". Глупостн, коиечно. Все смотрели иа меия как иа ископаемое. И мой „второй курс философского факультета" сразу же сбивал нх, настраивал агрессивио: зачем им нужиа философня, когда у инх и среднего-то образоваиия иавсрное не было. Учеиость в те годы особым почетом ие пользовалась; ценилнсь железиые практики, люди похожие иа обтесаниые камни: куда их ие наложь, везде впору. Часто мие приходнлось слышать за своей спиной: „Здоровый мужик н философня... Чего только ис увндишь!"

К началу августа я уже совсем отчаялся. Бродил как прибнтый по выжженным солнцем улнцам, курнл. Из-за инзкокачествениого табака в душе моей было горько. Утром просыпался затемно н гадал куда мне податься н каким оптнмистнческим враиьем успоконть отца.

Помию: прнсел я на парапет за Художествеииой галереей, совсем уже на зная в какую дверь постучаться н что делать дальше. В кармане позвякивалн последиие стотникн, ровно на одну веискую булочку, инкакнх гонораров не ожидалось, н взаймы взять было не у кого: друзья мои благоденствовалн, разъехавшись кто на море, кто в провинцию. Закурнл: ннкотни хоть немного, но успоканвал. Я знал, что через минуту выброшу окурок н опять

побреду по городу. Ничего другого мне не оставалось. На улицах все-таки можно было встретить кого-нибудь из знакомых, увидеть подходящее объявление. Накануне я ходил в Святейший синод. Кто-то сказал мне, что там требуются молодые энергичные люди для работ по хозяйству в заброшенных монастырях. „Что может быть лучше! – подумал я. – Тишина и спокойствие...“ Я смело пошел в синод, представился, меня спросили, разбираюсь ли я в строительстве и земледелии. „Конечно, – сказал я, – я же вырос в Тырновском селе“. Перед моими глазами уже вырисовывалась светлая и романтическая идиллия. Вежливо улыбаясь, мне подали формуляр: „Напишите заявление и в конце отметьте, кто из священников мог бы вас рекомендовать“. „Вот так, опять фокусы, – произнес я про себя и бросил листок. – Какого я вам еще священника буду искать?“ А они лишь плечами пожимают: „Извините, молодой человек, такой у нас порядок“.

На что мне еще было надеяться, если уж в синоде мне указали на двери.

Прищурившись от яркого полуденного солнца, я докуривал свою сигарету, собрался уже было тронуться по наметившемуся в голове маршруту, как в этот момент до меня донесся звучный мужской голос: „Половину от ста определяем? Или возлюбленная наша сбежала?“ Оборачиваюсь, – наклонив иронично голову, мне улыбался симпатичный майор милиции. Улыбка у него была ясной, и глаза были ясными.

– Ты что призадумался, парень? – продолжил он.

„Повеселиться решил!“ – подумал я и ответил:

– Да вот гадаю, как бы Центральный банк ограбить.

– Во! – прыснул он и захохотал. Насмеявшись, подсел ко мне. – Да, трудная задача, браток! – вздохнул он. – Где же ты найдешь столько мешков?

– Каких мешков? – раскрыл я рот.

– Как каких? - он с укором посмотрел на меня. – Для денег...

– Ах ты, черт! – простонал я. – И как же я раньше не догадался? Ну, в таком случае придется грабить банк поменьше. Какой-нибудь районный.

– А там и одного мешка денег нет! – пренебрежительно махнул рукой, смотря мне в глаза. – Слушай, оставь ты это дело, не стоит оно...

– Ну ладно, оставлю, – согласился я. – Коли ты знаешь лучше, послушаюсь.

Я взглянул на него искоса и рассмеялся: он сидел непринужденно на парапете, размахивая ногами как мальчишка, только что забросивший удочки с пристани...

Он доверительно наклонился к моему уху:

– Что случилось? – спросил он изменившимся озабоченным голосом и сразу же развязал узел, который давно накручивался в моей груди.

Я рассказал ему все от и до, не пожалев и философию.

– Да, действительно трудно, – вздохнул он. – Никто не хочет связываться с заочниками. И должен тебе сказать, они совершенно правы: сессии, отпуска, а в конце – ты сдаешь экзамены и: „Чао, теперь вы не из моей фирмы!“

– Правильно... – кивнул я. – Но это не про меня.

– Все так говорят, – прервал меня он.

– Пусть говорят! – разозлился я. – Пусть говорят, что хотят. А я, если уж начну где-нибудь работать – так до пенсии.

Вроде бы смело я произнес эти слова, а во рту остался кисловатый привкус от них. Мне так хотелось еще сегодня порадовать своего отца, да и майор, чувствовалось, что-то хочет мне предложить, и поэтому я, – признаюсь, – соврал.

Он выслушал мою тираду, покачал головой:

– Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь! – и задумался. Глаза его поблекли, он ушел глубоко в себя, и голос его прозвучал как бы издалека. – А почему б тебе не пойти к нам?

– Пойду, – сказал я. – А что делать буду?

– Быстро соглашаешься, а потом спрашиваешь, – опять покачал головой майор. – Нехорошо.

– А у меня выбора нет, – напомнил я ему.

– Ну да, да, – как-то поколебавшись, сказал он, – но мы занимаемся с неприятностями этого мира. Люди жалуются иногда, что у них, мол, были неприятности, а у нас они каждый день. Карманные кражи, грабежи, махинации, убийства и всякая другая всячина...

– И поиск преступника, да! – воскликнул я. – Бах-бах, стрельба, каратэ...

– Да, – кивнул он, – в крайнем случае, можно и так. Но лучше бы ты приготовился к другой, более прозаичной роли.

– К какой?

– Самого обыкновенного бумагомараки, – усмехнулся милиционер, и так как я недоуменно смотрел на него, продолжил. - Тебе придется собирать, копить, проверять.

– Что собирать? – я еле сдержался, чтобы не топнуть ногой.

– Факты, – озабоченно посмотрел на меня он. – Прежде всего факты, в них сила. Так, что, приготовь себе, на всякий случай, пару нарукавников.

– Ну, – пожал плечами я, – если надо...

– Надо, – вздохнул он. – И глупости свои придется забыть, и философию, и... почти все, что было до этого.

С того разговора прошло восемнадцать лет. Я уже

давно свыкся с „неприятностями этого мира". Тогдашний майор Кириллов, уже полковник, но он уже не такой разговорчивый, и лицо его поутратило былую ясность и доброту. Прежде, чем войти к нему, я всегда старался хорошо подготовиться, предусмотреть его вопросы и иметь в распоряжении ясные и точные ответы, которые удовлетворили бы его. Но в одном я и до сих пор не согласен с ним, что философия далека от нашей службы. Мы никогда не разговаривали на эту тему, – он убежден в одном, я в другом, – так и живем.

6.

Полковник Кириллов уже ждал меня. Он протянул мне руку и кивнул на диван:

– Садись. Чай?

– Спасибо, – сказал я. – Уже три кофе выпил, аж зуд по телу.

– Свихнешься ты на этом кофеине.

– Зуд из-за другого, – показал я на папку.

– А, вот как? – как-то про себя усмехнулся он, наклонился, прочел надпись, вздохнул и задумался... По нему сразу видно, когда он „переносился" куда-нибудь. Вот уже несколько недель незнакомая складка все яснее ложилась у его рта.

– Ну, давай, – вяло сказал он мне.

Я ознакомил его с обстановкой у реки, где был найден труп. Показал фотографии, схемы.

– Лежал в стороне, – объяснил я, – хотя тот, кто его сбросил...

– Не торопишься ли, – остановил меня Кириллов. – А если „тот, кто его сбросил", вообще не существует?

– Но смотрите, – возразил я, – направление падения, поза, следы...

– Прекрасно! – воздел руки Кириллов, как бы приходя в себя. – Ты не забыл, я надеюсь, тот случай?

– Как я могу его забыть, – сказал я. – После крысиного яда, после выстрела в рот самоубийца, предварительно связавшись веревками, прыгнул с пристани. Четкая страховка от ошибок самого безошибочного в этом мире.

– Но вот, видишь! Так что, не торопись...

– Понятно, – кивнул я. – В данном районе были открыты следы небольшой грузовой машины, скорее всего „Нисы". Следы ясно очерчены, оставлены ночью. Машина въехала на аллею со стороны площадки, хотя еще при въезде висит запрещающий знак, свернула к реке и остановилась там, где мы нашли труп. После этого двигалась рывками, с пробуксовками. До настоящего времени сигнал о краже подобного автомобиля не поступил.

– Все равно необходимо держать на контроле, – пробурчал Кириллов.

– Нам ничто не мешает, – пожал я плечами. – Только вот...

– Много государственных таратаек ночью стоят у домов, – недовольно сказал Кириллов.

– Больше, чем уверен, – продолжил я, – что шофер не станет жаловаться. Ну, взяли у него тачку, покатались, – эка невидаль! Несколько литров бензина и одно стекло – не проблема. И так... – я опять уткнулся в дело. – Между следами машины и местом, где был выброшен труп, найдены следы от туристских ботинок „Спортпром". Тот, кто их оставил, волочил ноги, но совсем затереть следы ему не удалось, так как глина там как свинец.

– Вот видишь, – одобрительно кивнул Кириллов. Сопротивление материала.

– Именно это я и имел ввиду. Уже перед самым скатом следы четкие, похоже, что там он напрягся,чтобы бросить свой тяжелый груз: не следует забывать, что восемьдесят килограммов – это не шутка! А после того, как он его сбросил, отдохнул и поторопился убраться восвояси.

– Подожди, подожди, – наклонился над папкой Кириллов, – говоря, что он волочил ноги, ты что имеешь ввиду? Что след удлинен?

– Да.

– А если он это сделал не специально? Посмотри на след: приволакивание характерное. Это обувь по всей вероятности была не его... она ему велика.

– А я сразу и не догадался! – засуетился я, записывая замечание начальника, едва сдерживая улыбку; он уже не сомневался в существовании "того, кто его сбросил", "И когда он начнет понимать мои маленькие уловки?" – подумал я.

– Да, заезженный номер с обувью, – наклонил голову полковник. – Ох, уж эти детективы... Сколько людей обучили ремеслу!

– Те, кто их не читает, изобретательнее, – возразил я.

– Ну да! – вскочил Кириллов. – Только каждый второй признает, что сделал решающий шаг под их влиянием.

Я посмотрел на него: его лицо окаменело, он был готов спорить до самого утра. „Чего это он? – подумал я. – Ни с того, ни с сего"

– Они сами это говорят, – настаивал полковник

– Обыкновенная защитная реакция, – пожал я плечами. – Адвокаты им подсказывают, а иногда, и мы, того не желая... Где такие дураки, чтобы признаваться, что украли из-за алчности, или убили из-за ненависти? А если под воздействием книги или фильмов, так это уже другое:

общество вниновато. Старый фокус: сваливай свои грехи на общество и не волнуйся, – общество, оно большое и стойкое, все выдержит.

Я замолчал, прикованный к дивану странным взглядом Кириллова. Его готовность спорить, кажется, пропала, и он смотрел на меня как-то издалека, изучающе и с насмешкой. „Спокойно! – сказал я про себя. – Тут что-то не так. Тут что-то такое, о чем и речи не всплось".

– Рассуждения! – сжал губы Кириллов. – Теории.. Ты опирайся на практику, слушай, что они говорят.

– Каждый говорит то, что ему выгодно, – вздохнул я. Теперь я был уверен, что он меня провоцирует.

– Давай, давай! – грустно махнул рукой он. – Твои симпатии известны...

– К кому? – ощетинился я.

– Ну, к кому, – нерешительно пожал плечами он. – Это известно... к интеллигенции...

– Ну, вот, – сказал я и вовремя прикусил язык, чуть было не добавив: „Опять двадцать пять". – Уж не ненавидите ли вы их?

– Но не заседаю с ними по их кофейням, – зло огрызнулся он.

– И что из того? – простодушно воскликнул я, не ожидая столь нелепого упрека. – Запрещено разве?

А на языке у меня уже вертелось: „А если бы они тебя видели, как ты по охотничьим домикам развлекаешься?" – но с трудом подавил свою злость.

– Запрещено разве? – настоял я.

– Нет, конечно, – улыбнулся он через силу. – Равно как и печатать рассказики под псевдонимом...

– Ага, вот до чего дошли? – воскликнул я и почувствовал, как трясусь от злости. – Может быть, писать – недостойное занятие? Или я кому-то мешаю? Кто это меня накнснал?

– Спокойно! – остановил меня Кириллов. – Я сам догадался. Просто мне уже оскомину набили эти ситуации и особенности твоего стиля и фраз... Не забывай, что уже восемнадцать лет твои труды читаю. Служебные.

– И что из того? – не успокаивался я.

– Ничего. Пока только я знаю. Скажи правду, уходить собираешься?

Я чуть не засмеялся. „Вот она причина, – сказал я про себя. – От того дыма и огонь нашелся".

– Мы же ведь, кажется, разобрались, – голос мой прозвучал устало. – На пенсию – за тобой.

– Это другое дело, – вздохнул Кириллов.

– Пока ты на службе, – продолжил я, – моя профессия, мой мир, я сам, все, что мое, будет тут и нигде больше. Что касается писательства... это лишь несбывшаяся мечта. И у тебя такая есть, если не вру,

– У каждого есть, – уклончиво пробормотал полковник. – Не сердись, и давай забудем этот разговор.

– Мог бы меня и так спросить.

– Профессиональная болезнь, – пожал плечами он. – Ладно, продолжай. До чего мы там дошли?

– До жертвы, – сказал я. – Пуловер, джинсовая куртка и джинсы, кроссовки... Кто так ходит в холодную погоду? Прежде всего, кто привык жить на воздухе, потом, у кого нет денег на более теплую одежду, или кто хочет подчеркнуть свою бедность. Только что из технического отдела поступило весьма существенное заключение, – я подал ему фотографию. – Это стружки от самой обыкновенной оцинкованной жести, они получаются при разрезании ножницами. Наверно, он их клал в карман своих джинс.

– Не очень-то удобно.

– Не очень, но стружки у него нашли в кармане. Может быть, он торопился. Хорошие ножницы – редкость, а любой мастер свой инструмент бережет; если потребуется, в зубах зажмет, но не бросит его просто так. Под его ногтями нашли штукатурку с цементовым содержанием. Такой же материал и на подошвах. Явно, он – строитель. Вопрос только, кто из строителей работает с жестью и штукатуркой? Обычно это кровельщики. Чаще всего, они кроят обшивку из жести на земле, а потом поднимают ее наверх. Это каким-то образом объясняет, почему он клал ножницы в карман: видно, торопился раскроить жесть, а потом одевал свою рабочую одежду. Почти всегда, когда они закончат с кровлей, их просят замазать отлепившуюся черепицу. За бутылку ракии они соглашаются, но так как не носят с собой мастерок, то им приходится мазать черепицу рукой. Наверно, поэтому штукатурка так глубоко под ногтями у него засела.

– Ты же у нас подмастерьем у тырновцев был, – покачал головой Кириллов, – потому тебе строительство знакомо.

– Кем только я не был! – махнул я небрежно рукой. – Но меня смущают несколько обстоятельств. Первое, любой строитель имеет какие-нибудь профессиональные отметины: либо резануло его где-нибудь, либо упал куда-нибудь. А у этого – ни одной царапины на теле. Второе, в это время года никто крыши не чинит. Третье, у строителей хороший сон и они обходятся без снотворного. И, самое главное, он весит восемьдесят килограмм: прежде, чем такого на крышу поднимать, нужно сначала крышу подстраховать.

– Вроде, камня на камне не осталось от твоей первоначальной версии? – усмехнулся Кириллов, но по нему было видно, что он доволен моей самокритичностью.

– Почти в любой версии есть необыкновенные вещи, –

вздохнул я. – Я так же не далек от мысли об еще одной версии: студент. Если судить по одежде и содержанию желудка: бедствующий. Вынужден летом зарабатывать себе на хлеб на стройках. Там сумел кое-чему научиться. Где-то потекло, например, в его собственной квартире, и хозяйка попросила его поправить крышу.

– Значит, все-таки, обычный студент, да? – посмотрел на меня Кириллов.

– Да, – я стойко выдержал его взгляд. – А что?

– Я уж стал подумывать, что скоро и до заочников дойдем, – кисло усмехнулся он.

– Пока нет, – отрезал я. – Версия со студентом – это резервный вариант. В ближайшее время я вам доложу, исключил ли эту возможность.

Кириллов прочел еще раз мой план и расписался.

– Трудное дело! – сказал он.

– Напротив, – улыбнулся я, – все просто до нельзя. – Еще раз показал ему снимок. – Он был видным мужчиной, такие не проходят незамеченными.

– Но в Софии живет не пятьсот человек, – отпарировал он.

– Потом поговорим, – я встал. – Еще раз настаиваю, чтобы его одежду оставили в целости.

– Хорошо, хорошо, – поторопился согласиться Кириллов. Он не возмутился как иной раз, а смотрел на меня вяло и устало. – Ты почему выглядишь так... Будто наэлектризован? Надеюсь, не только из-за кофе?

– И из-за кофе, – сказал я, – и еще всю ночь глаз не сомкнул.

– Почему? – удивился он.

– С сыном что-то... – смутился я. – Боли в животе... „Пироговка"...

– Да, с детьми оно так, – вздохнул Кириллов. – Коли не живот, так горло. Что оказалось?

– Ничего, – стукнул я по столу. – Вроде бы прошло...

Выйдя из кабинета, я понял, чему обязан моим приподнятым настроением этим утром: я освободился от страхов за сына и радовался счастливой возможности спокойно работать.

7

Этой ночью история опять повторилась. Снова меня разбудили стоны сына, снова я растревожился из-за его слезного от боли взгляда и изменившегося лица... Снова такси и снова „Пироговка"... Врач, пожилой, неторопливый мужчина, внушал мне больше доверия, но после осмотра и он лишь засопел озадаченно: „Не аппендицит!" – и отказался послать нас в лабораторию на исследование.

– Там и без того толпа, – сказал он. – Пусть мальчик полежит, и если боли усилятся, опять придете.

– Это уже вторую ночь! – настаивал я.

– И что нам делать? – неожиданно резко закричал он.

– Если бы я знал, вас бы не спрашивал, – голос мой начал закипать от ярости, но я вовремя овладел собой, обнял сына и повел его к двери.

Врач даже не попытался остановить нас. Засунув руки в карманы своего халата, он, ухмыляясь, смотрел на нас и покачивался на пятках. Похоже, он был доволен, что смог нас вывести из себя. Но мы уходим, а он может себе качаться на пятках сколько ему хочется: при подобном глупом занятии он ничем не рискует.

Выйдя в коридор, я сконфуженно улыбнулся сыну. Он переступал на месте, непривычно притихший, маленький в моем широком объятии.

– Не злись! – сказал он. – У меня уже прошло...

– Да, у тебя... – засмеялся я. – Как только запахнет больницей, у тебя все сразу проходит!

Сын пожал плечами: „Что ж поделаешь!"

– Так не может быть! – поморщился я. – Им спать хочется, так они кое-как смотрят. Завтра же пойдем анализы сдавать.

– Ну, ладно, хватит! – твердо сказал сын.

Я посмотрел на него, и тревога пронзила мое сердце: был он слишком бледным, и сумрак обволакивал его скулы, которые темнели как опушенные. Я сжал губы, он молчал, его глаза ненормально блестели. Переступая опасливо на месте, как бы боясь разбудить боль, он продолжал напряженно вслушиваться в себя.

Всю ночь я не сомкнул глаз. Крутился в кровати, гадал, что бы предпринять. Рано утром сварил себе крепкий кофе и, пока потягивал горьковатую жидкость, перерыл свои старые записные книжки. Я всматривался в мелконаписанные имена: „Кто бы помог, не делая из нас дураков, и, не отправляя то туда, то сюда?" – и так наткнулся на номер Бати. Недавно мы случайно встретились на улице: привет-привет, как ты, что ты? Он похвалился, что после долгих мытарств в конце концов переехал в Софию и работает в „Пироговке". В школьные годы мы были очень хорошими друзьями, но когда мы столкнулись там, на улице, я ощутил, что время разъединило нас: что было, то было, в жизни ведь ничего не повторяется, – и совсем небрежно черканул его имя на корочках записной книжки.

„Да, что было, то было, – подумал я, допивая кофе. – Не знаю, что он за доктор, но по крайней мере, отнесется добросовестно. Лишь бы не укатил куда-нибудь..."

Еле дождавшись половины седьмого, я позвонил Бате. Мне было неудобно от мысли, что бужу его в такую нечеловеческую рань. К моему удивлению, голос его

прозвучал бодро и отрывисто: „Доктор Славчев. Слушаю вас“, – и я в миг забыл свои извииення, которые было приготовил.

– Это я, Батя, – произиес я. – Одиоклассннк твой. Асеи Петков.

– По какому случаю? – обрадовался ои.

– М-м, по какому... – пробормотал я. – На тебе все замыкается.

– Вот так, так! – с преувеличеииой озабочеиностью воскликиул он.

– Сам знаешь, – продолжил бормотать я, – что вспомииаем друг о друге, только когда нужда заставляет.

– Да, это так, – вздохнул ои, и голос его был остывшнм. – Что-нибудь срочиое?

– Как тебе сказать, – смутился я. – Сын уже вторую ночь мие коицерты устраивает: болит в жнвоте. Возил его к вашим, в детское отделеиие. Говорят, что ие аппендицит...

И во рту у меия пересохло. Я собирался рассказать ему, как онн удивлялись, как пожимали плечами и выпроважнвали: „Приводите опять, если крнзис повторится!“ – но во рту у меия пересохло, и в этот момеит я поиял, что ошибся, – ие нужно было ему говорить о детском отделеннн. Теперь Батя сделает все возможное, чтобы отстать от меия: ннкому не хочется конфлнктовать с коллегами по всяким пустякам.

– Что-то тревожит тебя? – полюбопытствовал он.

– Больше всего тревожит то, что онн сопят себе под нос н не зиают, что сказать. Им трудно было даже в лабораторню нас направнть на аналнз...

– А, ие говорн так! – возразнл Батя. – В детском – все хорошне спецналисты.

Я ожидал подобную реакцию, но мне почуднлась еле уловимая иронни, отрнцавшая смысл его слов. Ои просто меия провоцировал н ждал от меня ярости ого ответа.

– Еще бы онн были не хорошнмн, – вздохнул я. – Оставь это в покое. Скажи, что нам делать.

– Слушай, – озабочеино начал ои, – я бы вас прииял хоть сейчас же, ио я только с иочного дежурства. Потом... брюшиая полость – ие моя специальиость, я – уролог.

– Порекомеидуй какого-иибудь своего коллегу, – прервал я его. – Позвоии ему, что мы придем.

– Подожди, подожди! – резко сказал Батя. – Еслн я тебе делаю услугу, то прежде всего я должеи осмотреть ребеика. Но я сейчас страшио устал и, как поиимаю, дело ие очень спешиое.

– Ну, да, – вздохиул я.

– Почему бы вам завтра ие прийти? – по-деловому предложил ои. – Но так, раиеиько.

– Во сколько?

– Около восьми. Седьмой кабннет. Есть, нет очереди – стучишь и входишь.

– Прииято, в восемь, – вздохиул я и поспешил положить трубку.

Закурил. От дыма запершило в горле. Давио мне ие приходилось курить так раио и иатощак. Я броснл сигарету, иамазал маслом хлеб, ио еще первый кусок болезиеиио засел в желудке, как кусок глиины.

Вроде и старался говорить в полголоса и не подннмать шум, ио как только я открыл дверь в комиату, сыи повериул голову и запротестовал:

– Не хочу! Не хочу! Я спать буду.

Ои слышал, как я разговаривал.

– Что не хочешь? – тихо спросил я.

– Ннчего не хочу, – так же соино пробурчал он.

– Хорошо, – сказал я. – Но завтра идем.

12

Уже больше часа я листал дело „Красавчнк“ с надеждой выскрести еще хоть какую-ннбудь деталь из его страииц. Перед тем я успел просмотреть утреннюю сводку, не найдя ннчего нитересного. Особых надежд на бюллетень объявлениі о поиске пропавших в стране граждаи я ие возлагал. Подобное сообщеиие о „нашем человеке“ можио было ожидать не ранее, чем через две-трн недели, – до того его родные вряд ли встревожатся его отсутствием.

Время от временн, закрыв папку, я созерцал надпись, и внутрениий голос в который уже раз убеждал меия, что ключ к загадке – в этом слове. Все чаще я задумывался над любнмой теорией полковника Кнриллова. Он ее ннкому не навязывал, не торопился довернть даже ближайшнм своим помощникам, терпелнво выжидая, пока оии сами подойдут к ней. Ее изучают в техннческнх вузах, там она называется сопротнвлеиие матерналов, н перед экзаменом даже отлнчннки от страха в душе плюются.

Сопротивлеиие материалов оставляет следы и иа теле, н в душе, везде, где бы ты нн нскал. А следы этн услужливо подсказывают, что человек пережил, каков ои, даже, каким хочет быть. „Вот и в иашем случае, – думал я про себя, пока рассматривал фотографию мертвеца, – это скудное одеянне знмой все-такн что-то значит. Статный, красивый и бедный... Илн скупой... А может быть, увлечеииый, устремлеииый к какой-ннбудь трудиодостижимой цели и поэтому ие обращал виимаиия иа свою одежду. Как ии крути, – решил я в коице, – все равио остается: статиый и красивый. А такой человек не остается незамеченным“.

Ровио в девять ребята из отдела вошли в мой кабииет. Впереди был Кыиев. Выглядели оии свежими и отдохиувшими.

– Ну, что? – улыбиулся им я. – Начииаем большой розыск.

– Нам ие впервые, – иебрежио бросил Кыиев.

И иа этот раз ие упустил возможиости подчеркиуть свое более высокое положеиие в иерархии.

Я сделал вид, что ие слышал.

– Не забывайте, – сказал я, – что любой случай для иас - иовый. Есть ли у вас опыт, иет ли...

И я опять углубился в дебри фактов. Мие почти ие иужно было листать дело: факты уже крепко засели в моем мозгу, разбуди меия иочью и спроси о какой-иибудь подробиости, я и тогда бы ответил не замешкавшись. Голос мой звучал как-то глухо, будто утопая в мягких ткаиях горла. „В ушах что ли что-то звеиит, – встревожился я, – уж ие давление ли фокусиичает... Нужио проверить-ся“.

– И так, – произиес я в коице. – Повторим. Разговаривать только с кадровиками, ии с кем другим. Одии иа одии. Фотографией ие махать по делу и без дела. Чтобы иикто не поиял, что ои убит или что-то там серьезиое. Ищем его как свидетеля. Действовать иужно очеиь осторожно. Каждый вечер – сбор в шесть. Кыиев, готов к распределеиию?

Я зря его спрашивал, ои уже подавал мие лист.

– Ты смотри! – улыбиулся я, взгляиув иа плотио исписаииый лист. – Никогда бы ие подумал, что в иашей столице столько строительиых оргаиизаций...

– Их еще больше, – поспешил ответить Кыиев. – Я тут отметил лишь самые крупиые. А ремоитиые бригады от райсоветов, хозяйствеииых объедииеиий, агро-промышлеииых комплексов... – Он отчаяиио махнул рукой. – Одии бог знает, сколько их...

– И мы должиы зиать, – прервал я его и отдал ему лист.

– Я сейчас их устанавливаю, – сказал Кыиев и кивиул иа распределеиие, – Подпишите.

– Прямо так, сразу... – я расстроеиио пожал плечами. – Это так важио? Без подписи иельзя?

– Важио, – смутился Кыиев. – Раз пойдет в докумеиты...

Я давио заметил, что ои очеиь следит за докумеитами, которые другие должны подписать. Спокойиее себя чувствует, когда получает подписаииые приказы.

– Ну, хорошо, – улыбиулся я ему и быстро поставил свою подпись.– Прошу тебя, задержись иеиадолго. Остальные – свободиы.

Марко, самый молчаливый из четырех, потяиулся за распределением.

– Это иам потребуется, – произиес он. – Чтобы зиать, кому куда идти.

Я подал ему лист.

Ребята выходили из кабиета, толкаясь локтями и посмеиваясь... Их смех, тоикие их голоса иеудержимо дрожали. Я их поиимал: как молодые коии топчутся сейчас от иетерпеиия иа одиом месте, через миг перед иими взовьется леиточка и иачнутся гоики.

– Прежде, чем пойдешь по стройоргаиизациям, – сказал я Кыиеву, когда мы остались вдвоем, – забежишь в тридцать первую школу.

– Мииутку! – ои вытащил свою записиую киижку. – Кого там искать?

– Нас интересует Розалинда Георгиева. Узиай о ией все, что можио. А особеиио, как оиа ведет себя в последиее время. Поговори с кем-иибудь из мужчии. Только смотри, чтобы ои был таким... по-старше, поуспокоившимся. О вашем разговоре иикто зиать не должеи. Попроси его об этом, сам зиаешь как.

– Поиятно, шеф! – Кыиев просиял, довольиый моей похвалой.

Я искоса взгляиул иа иего.

– Что такое? – смущеиио сказал ои.

– Давио хотел тебе сказать, что ие люблю, когда меия так иазывают.

– Извиии! – голос его был тихим.

– Мы ие в фильме сиимаемся, – продолжил я, – да и ты – не Алеи Делон, ие так ли?

– Да, да, – усердио закивал ои. – Извиии!

И поторопился выйти из кабииета.

9

Как мие показалось, в иаучном ииституте, за которым числилась лаборатория сверхиизких температур, все чувствовали себя весьма важными. Вахтер, выряжеиный, как геиерал, этак свысока и ухмыляясь посмотрел иа меия:

– Ну и что, что вы из милиции? – сказал ои. – Вы лучше всех должиы зиать, что у иас здесь ие проходной двор...

Ои переступал с иоги иа иогу, словио гадал не оставить ли ему свой пост и убежать в туалет, или еще иемиого поважничать.

– Я могу и до завтра ждать, ио все равио пройду, – усмехиулся я ему. Он уставился иа меия, будто хотел рассмотреть получше. – Служба такая! – добавил я иагло, пожав плечами.

Вахтер задумчиво сжал губы: „Смотри-ка ты!“ – и задумался. Процесс мышлеиия, кажется, давался ему с трудом: время от времеии ои почесывал себе затылок,

подергивал козырек фуражки над очками и посматривал на меня удивленно и с любопытством. Где-то через полчаса, после того, как попривык к моему присутствию и, наверно, решил, что я благонадежен, он поднял трубку и позвонил кадровику, с которым я хотел встретиться. Вахтер долго ему объяснял, кто я и откуда, время от времени он прижимал трубку к груди и, округлив страшно глаза, спрашивал меня: „А по какому вопросу?". Я ему сердечно улыбался: „Не обязан вам объяснять". Ни мало не смущаясь, он повторял мои слова в трубку, при которых кадровик, наверно, сердился, а вахтер повторял в оправдание: „Да, но товарищ сказал..."

Еще через полчаса он меня впустил, подробнейшим образом объяснив, по какой аллее я должен идти, на какой этаж подняться и в какую дверь постучать. В конце он ткнул свой огромный указательный палец мне в грудь: „Ясно?"

Не ответив, я двинулся по аллее. „Если еще и кадровик того же поля ягода, – подумал я, – день пропал".

Опасения мои подтвердились. Когда я вошел в комнату, кадровик, маленький и безобидный на вид очкарик, расставлял какие-то папки на стеллаже сзади своего стола. Он не обернулся ко мне и не ответил на мое приветствие. Любой ценой он хотел показать, что его не волнует даже посещение милиции. „Сейчас я тебе покажу!" – сказал я себе и как можно громче опустился в единственное кресло у дверей, рискуя упасть на пол. Спина его сразу же напряглась, дрожа и очень медленно он повернулся, все еще держа какую-то папку в руках, и украдкой посмотрел на меня. Я ему улыбнулся и склонил голову, как мать, радующаяся своему озорнику. Мои глаза и улыбка совсем сбили его с толку. Он быстро взглянул на двери: чтобы добраться до нее, ему обязательно нужно было пройти мимо меня, – потом с отчаяньем на окно: похоже, он забыл, что оно заделано решеткой.

После этих панических взглядов, не принесших ему никакого утешения, он сразу обмяк, как резиновое чучело. Могу поклясться, что в этот момент я услышал звук выпускаемого в отчаяньи воздуха. Кадровик сгорбился еще больше, сморщился и, как был с папкой в руках, стал приближаться к своему столу, не спуская с меня глаз. В конце концов, он добрался до стола, сел и наклонился, будто залег, подняв, как щит, свою папку. Теперь я знал, что он сделает и что скажет. „Вот так, – удовлетворенно подумал я, – не придется терять время на ваше важничанье".

– Вы... были из милиции? – заикаясь сказал он, все еще стараясь показать, что не боится. Но все его тело было начеку.

– Был, – сердито кивнул я. – И сейчас есть. Вам документ показать? – потянулся я в карман за удостоверением.

– Нет, нет, прошу вас, – запротестовал он, жадно глотая ртом воздух, и с каждым глотком возвращая себе уверенность.

– Благодарю вас, – вздохнул я. – Нам нужно серьезно поговорить.

Он, наконец, понял, что папка ему не нужна и отложил ее в сторону.

– Чем могу быть вам полезен?

– Вы даже не представляете, – я наклонился к нему, – насколько можете быть нам полезны... Мы рассчитываем только на вас...

Кадровик расправил плечи, окончательно убежденный в своей значимости. Он набрал в свои легкие столько воздуха, что в определенный момент я даже подумал, что сейчас он оторвется от пола и полетит. Но, похоже, кадровик сам ощутил, что даже взлетев, он невесть на сколько окажется выше своего стола, поэтому крепко схватился за его край, притих и сказал:

– Слушаю вас.

– Расскажите мне все, что знаете о Румене Георгиеве... Лаборатория сверхнизких температур.

– Румен Георгиев? – наконец-то он посмотрел на меня с неподдельным интересом. – А что, по какому поводу?

– По самому обыкновенному, – сказал я уклончиво. – Попал в одну историю.

– Правда? – подскочил он.

– В сущности, он – потерпевший, – охладил его энтузиазм я. – Хотелось бы знать, насколько можно ему верить. И предлагаю, время не тянуть.

– Момент, – кадровик ловко повернулся, порылся в огромном шкафу за своей спиной и вытащил тоненькую папочку. – Хочу быть точным. Румен Георгиев, та-ак... Поступил к нам восемь лет назад. По конкурсу. Молодая надежда. Интересные публикации, солидные рекомендации. Но у него дело не пошло. Три раза наказывался за небрежность в лаборатории.

– Обычная рассеянность? – попытался я ему подсказать.

– Наверняка, – поморщился кадровик и опять заважничал. – Но у нас и самая невинная промашка может иметь большие последствия.

– Вы правы, – поддержал я его – И дальше?

– Дальше... – кадровик опять уткнулся в папку. – За эти восемь лет ему ни разу не повышали зарплату. В последнее время активизировался. Выдвинут на награждение по линии НТС, планируется повышение. Оценка его последних публикаций...

– Вы лично его знаете?

– Конечно, – чуть не обиделся он. – Нелюдим. Сторонится коллектива. В массовые мероприятия не включается.

– А коллеги включают его? – усмехнулся я.

– Что вам сказать? – отчаянно развел руками кадровик. – Ученый мир... Но Румен – уникум!

– Подумайте хорошенько прежде, чем ответите, – я посмотрел ему в глаза. – Нет ли у вас впечатления... что он скрытный, что скрывает свои мысли, результаты?

– О мыслях не знаю, – усмехнулся кадровик, – а вот результаты... все их скрывают, пока не сделают публикацию. Как дети: одной рукой пишут, другой – заслоняют написанное.

– Как вы красиво это сказали! – похвалил я его.

– Родная мать их попросит, – воодушевился он, – так и ей слова не скажут.

– Может быть, у них основание есть?

– М-м, есть, – пожал плечами кадровик, – но это их, уж слишком. Настоящая шпиономания!

– Так! – воскликнул я. – Вы меня просто вынудили! – Затаив дух, и, оглянувшись по сторонам, я продолжил. – Исследования Георгиева представляют ли стратегический интерес?

– Э-э, момент... – кадровик застыл, задумавшись. – В принципе, все наши исследования секретные.

Он колебался, имеет ли право сказать мне. „Кто знает, как его инструктировали, – произнес я про себя, – или опять перестраховывается на всякий случай. Как ни смотри – опять шпиономания!“

– Подробности меня не интересуют, – настойчиво сказал я. – Ответьте мне, да или нет.

– Да, да, – кадровик поторопился выпустить это слово и плотно закрыл рот.

Я поднялся и подал ему руку:

– Сердечно благодарю вас, товарищ...

– Петров.

– Вот, и познакомились в конце, – сказал я. – Благодарю вас, товарищ Петров, от себя лично и от имени службы. Вы нам оказали неоценимую помощь. Мы никогда не забудем вашу отзывчивость.

– Пожалуйста, пожалуйста! – кадровик горячо и преданно тряс мою руку. – Если что-то опять потребуется, всегда готов. Чтобы вас там не мотали без пропуска, скажите лишь, что это вы. – Он достал карандаш и открыл записную книжку. – Вы были...

Он просто измучил меня своим прошедшим временем.

– Я – Петков. Майор Петков.

– Я ведь могу это записать? – посмотрел он на меня, как на соучастника, и, после того, как я великодушно кивнул, черкнул что-то на листочке. – Вот, я записал только Петков, но посмотрев, я сразу вспомню, что это вы, да?

– Именно так! – похвалил его я. – Секретность и еще раз секретность! Сразу видно старую школу. Вы, наверняка, до пенсии в армии служили.

– Угадали, – расцвел он и опять затряс мою руку.

Когда я выходил из института, вахтер отдал мне честь.

10

Объехав несколько строительных организаций, к вечеру я добрался до своего кабинета и позвонил сыну.

– Привет! – прокричал он в трубку. – Сегодня у меня вообще не болит...

– Посмотрим, что будет ночью, – вздохнул я. – Или ты об этом совсем не думаешь?

– Даже не трогает, – сказал сын. – Налопался, как поповский сын: две пиццы с ветчиной, шоколадное пирожное и большой стакан бозы[1].

После двух дней болей и голодания он буквально впал в гастрономический восторг.

– Ты читаешь? – поторопился я вернуть его к суровой действительности.

– Читаю потихоньку, – промычал он.

– Не переутомись! – посоветовал я – И умная...

– Ты когда вернешься? – полюбопытствовал он – „Посмотрим“, да?

– Нет, – произнес я, задетый его иронией. – На этот раз вовремя.

– Хорошо бы не в двенадцать.

– Буду вовремя, – пообещал я ему и бросил трубку.

Я занялся анализом данных о семье Георгиевых, добытых в результате расследования. Только я закончил, как Кынев влетел в кабинет так, будто его змеи гнали до самого порога.

– Бьюсь об заклад, – улыбнулся ему я. – Ты хочешь меня заинтриговать.

– Ничего я не хочу, – махнул рукой он. – На меня сейчас дунь – упаду.

– Только этого не хватало, – произнес я. – Давай садись и рассказывай.

– Не знаю с чего начать, – Кынев, неизвестно зачем, переворошил свой чуб.

– Давай по порядку. С кем говорил в школе?

– С Мойсеем Карабановым.

– Хорошо имечко! – восхитился я.

– Учитель ботаники, тридцать лет работает.

– Заслуженный учитель?

[1]*боза – напиток*

– Пока нет, – вздохнул Кынев, плечи его как-то сразу сжались. – Оставь это... Эта Розалинда оказалась сущим дьяволом. Прямо женщина-вампир! Большущая любительница пофлиртовать. Семьи двух молодых учителей на грани развала... из-за нее. Рассматривали ее поведение, готовы уже были уволить, но что оказалось? Что она – жертва... Мужчины сознались. Пришлось перевести их в другие школы.

– А они что из себя представляют?

– Ну-у – задумался Кынев, – как я понял со слов Карабанова: вольные души. Пей, пой, веселись, пока молод! Что-то в этом роде.

– А внешне? – зорко посмотрел я на своего помощника.

– Внешне... – наклонил он голову, готовый признать, что не догадался спросить об этом, но вовремя спохватился, опять заговорило самолюбие. – Один – учитель физкультуры.

– Значит здоровяк? – попытался я ему подсказать.

– Наверно, – пожал плечами он, – хотя... я его не видел. А другой, как я понял, служил в гвардейской роте.

– Ясно, – отрезал я. – Туда мелочь не берут. – И тут же прикусил язык, – я невольно наступил на больное место моего помощника, страдавшего от любого намека на его низкий рост. – Дальше? – притворился я, будто не заметил его гримасы.

– В школе с Розалиндой свыклись, как с неизбежным злом, – глухо продолжил Кынев. – Она из тех зол, сказал мне Карабанов, которые мы безрезультатно пытаемся преодолеть, но в конце концов, свыкаемся с ним. Вроде, и свыклись, – продолжал Кынев, – а все равно обходят ее стороной. И как можно осторожнее, чтобы на глаза не попасться... Но ее нельзя упрекнуть в невнимательности: когда коллегам нужно было отсутствовать, она брала их часы.

– Что она преподает?

– Литературу.

– Артистическая душа.

– Говорят, что вначале мужчины не воспринимают ее серьезно, но она так оплетает их своими сетями, что... Никто не может объяснить, как происходит это колдовство. Наверно, она обладает гипнотическими силами.

– Ладно, только без мистики! – прервал я его. – У меня нет влечения к необъяснимому. Ты не узнал, как... откуда она пришла в школу?

– Чуть ли не сразу из великотырновского университета. Перед самым окончанием она вышла замуж здесь, в Софии.

– Завоевательница?

– Как я понимаю, это в природе ее заложено. Пять лет смотрела за сыном, потом посадила его на шею матери и – оп! – ее парашют раскрылся: софийская школа, без стажа, безо всего... Говорят, что за нее ходатайствовал достаточно влиятельный человек...

– И при том мужчина, да?

– Конечно...

– Уф, у меня камень с сердца упал.

Славчо насупился, но через секунду, поняв, что ему это не идет, улыбнулся.

– Как ведет себя в последнее время? – спросил я.

– Ведет себя странно, – Славчо задумался. – Карабанов сказал: „Прямо, сама не своя. Раньше ее нельзя было остановить: все бегала где-то, в учительской танцевала, передразнивала ученические шутки, фокусы показывала, слова не вставишь. А в последнее время совсем тихая стала, молчит...“

– И давно она так изменилась? – насторожился я.

– Как говорит Карабанов, один-два месяца. Он ее все спрашивает: „Георгиева, не здорова, что ли?“ – а она только вздыхает и повторяет: „Мир велик и прекрасен! Мир велик и прекрасен!“.

– Хм, прекрасен, – пожал я плечами. – На тебя смотрю, это большое впечатление произвело?

– Мне просто ужасно, – покачал он головой. – Я и раньше-то не особо смелым с женщинами был, а теперь...

– Не перечеркивай свою молодость за просто так, – стал советовать я. – Научись только их распознавать... От таких, как Розалинда, поверь мне, держись за сто верст! Вроде, и не красавицы, вроде, и не женщины вовсе, а потом – только держись! Мимо них можешь пройти, только как Одиссей мимо сирен.

– Понятно, – пробормотал Кынев. – Если мне выпадет случай, буду иметь в виду.

11

Врач Лазар Аладжов, Батя, с которым мы когда-то всю школу ставили с ног на голову, за что постоянно и наказывались, изменился незначительно: от его голоса, взглядов, жестов так и веяло мальчишеское буйство. Когда он был в школе, то бросался от одного к другому, но отслужив срочную, просто поразил всех нас, подав документы в медицинский и успешно сдав трудные экзамены. Месяц назад, когда я его встретил, и он похвастался, что, в конце концов, смог попасть в Софию после нашумевшего развода в провинции, я воскликнул: „Браво, некоторые еще и жениться не могут...“ А он в ответ неожиданно проронил: „Ты что, не понимаешь, батя, что я не создан для одной какой-нибудь комнаты, одной

работы н одной женщнны!" – н в мужчнне напротив я опять увндел своего давнишнего однокашннка, сумасбродиого и взбалмошного. „Ты со своей женой врачеванне-то забросил?" – спросил я его тогда, а он нахмурнлся н говорнт: „Как раз наоборот, батя, радн врачевання я готов все забыть".

И вот теперь он стоял перед намн в своем кабинете, пощипывал моего сына за щеку н похваливал меня: „Молодец, какого орла воспнтал! Тьфу-тьфу, чтоб его не сглазнть!" Ему было прнятно, что я обратнлся за помощью к нему, а не бросился к знаменнтостям.

Он заставил моего сына лечь на кушетку, наклоннлся, заслоннв его от монх глаз.

– Ну, давай теперь посмотрим, мой мальчнк, что с тобой, – сказал он, н его пальцы медленно утонулн в диафрагме сына. – Еслн я не определю, понщем другого доктора. Ты же ведь ие станешь иа меия сердиться? В провннцин я достаточно нащупался таких жнвотнков, как твой, и кое-что о инх знаю, ио все-таки... Кто на что учился, правда?

Говоря так, – ласково, почти усыпляюще, – ои зорко смотрел иа лнцо Иво, готовый уловить его малейшее движеиие, самое незиачнтельное нзмеиеине. Мальчик смотрел иа него смело и доверчиво, улыбался.

– А иу, сядь, – прнподиял его Батя. – Вот так. Наклонись!

Последовали два коротких резких удара ребром ладони по бокам мальчика. Сыи вскрикиул, резко лег на спииу н, ие иайдя облегчения от соприкосиовения с прохладиой поверхиостью, быстро выпрямился, согиулся от болн н опять повалился на спииу. Он замер с расшнреинымн от недоумеиия глазами, в которых блестелн слезы. Я почувствовал, как хрустят мон суставы, – так сильио я сдержнвал себя, чтобы ие закричать: „Что же ты делаешь, Батя!" Если бы я крнкнул, это было бы слышно в любом уголке „Пироговки".

– Ты точио по моей специальности, малыш! – сказал Батя, не отрывая взгляда от нзменившегося лица моего сына, потом повериулся ко мие н поясиил, – Почкн, Батя!

– Но ведь живот... – растерянно начал я.

– Иногда и так начннается.

– Что начннается?

– Крнзис.

– Что делать? – спроснл я и не услышал своего голоса.

– Все, что делается в такнх случаях.

Он задиктовал сестре предполагаемый диагиоз прн помощи латииских терминов н велел ей отвестн моего сыиа иа реитген н в лабораторию. Когда мы осталнсь вдвоем, он по-свойскн хлопиvл меня по плечу:

– Не переживай так! Нет инчего страшиого... Угости сигареткой.

Я достал пачку. Он кивиул, чтобы я шел за иим, и направнлся вглубь коридора. Дав ему прикурить, я сам жадио вдохнул дым.

– Еслн это камии, то мие известио, что это за ужас, – процедил я н уставнлся ему в глаза, желая поиять, что ои думает о болезнн моего сыиа. – Несколько лет назад у меия был кризис... – пояснил я.

– Вот виднщь? – . иазидательно . . кивнул мне Батя. По его слишком усердному жесту я поиял, что ои разгадал мою хнтрость. – Это все по иаследству передается, батя.

С каждой мннуты он становнлся все ожнвленнее, шутил, не пропускал нн одной сестры нлн врача, чтобы не познакомнть нх со мной: „Школьный товарнщ... Бездельннк, хуже чем я, а теперь в милнцнн работает! Майор..." Его смех разносился над суетой вокруг нас, заглушая стоны н оханья, наполняя свежим ветром корндоры, полные унылых запахов спнрта, карболкн н мочн... Батя, вроде, успоканвал меня. Но в восторженном блеске его глаз время от временн появлялся лучнк, который стремнлся проннкнуть в мою душу, осветнть ее н увндеть нзнутри. Я смущенно помаргнвал в ответ на этот настойчивый лучик. Вдруг Батя, как будто, в конце концов, поиял, что я разгадал его иамерення, сконфузнлся от своего неуместиого любопытства и засуетнлся.

– Ну, пойдем, – сказал он н повел меня к кабннету.

Там я увидел сыиа, который уже поуспокоился и рассеяиио глазел в окно. Батя перебросился несколькнмн словами с сестрой н сказал:

– Пойднте перекуснте н прнходите в десять.

Мы с сыиом вышлн на улицу. Я погладнл его по голове: „Тебе еще больно?" – он покачал головой. Я повел его в конднтерскую. Ровно в десять мы опять предсталн перед Батей.

– Нет ннчего страшного, – сразу заснял он. – Песчннкн. Я ведь тебе говорнл...

Зоркий лучнк погас в его глазах. Сейчас в ннх угадывалось разочарованне: он как будто сожалел, что мой сын отделался так легко н лншнл его возможностн подольше позаннматься намн.

– Пусть попрнннмает эти лекарства, – подал он мне рецепт. – У нас осталось еще несколько проб для дополннтельных нсследованнй. Вряд лн онн покажут что-то нное, но все-такн...

12

Пятнадцать лет назад в софнйском квартале Красное

село, вдали от трамвайной линнн и от шоссе красовалась шумная веселая улочка Соловьииая. Семь домов – с одной стороны, семь – с другой, без асфальта, без плиток тротуара. Знмой хозяйкн засыпали дорожки шлаком. Дворы терялнсь в благоухающих зарослях сиреии. Вечером, прндя домой, люди собиралнсь иа своих террасах за стаканом виие нлн спокойно болтали через ограду. Тогда н ограды-то были символнческие: выложеииые в лнннию побелеииые камин или сколоченные наскоро рейки, – чтобы только курицы ие убежали. Весело н дружио жили люди иа зтой улочке, ио как-то осеиью сиесли дома, и через два года иа месте бывшей Соловьиной улицы вырос восьмизтажиый паиельиый дом. От прекрасиого и беззаботиого мира детства сохранилось лнщь иесколько каиадских тополей да сердечиость бывших соседей. Вопреки обязательиой панельиой изоляции, оии сумели сохраиить между собой каким-то необъясиимым образом теплое дружелюбиое простраиство дворов, иаполненное золотистым ласковым светом, чувством безопасиости. Еще более иеобъясиимым и трогательным было то, что зто пространство существовало и между их детьми, которые только слышали о бывшей Соловьнной улице. Встретнвшись и остановнвшись для разговора, старые соседи собнраются в кружок, и их голоса звучат приглушеиио, а сами оии озираются, – прямо, иастоящие заговорщики. Оии все еще ощущают себя чужаками в зтом упорядочеином рае жилого микрорайоиа, но ие хотят это показывать, – где же чужих почнтают? Наверно, позтому они выглядят так загадочио, а, может быть, действительио строят заговор протнв тирании бетоиа, властвующего вокруг.

Все мужчииы иа бывшей Соловьнной улице были ремеслеииикамн: водопроводчики, каменщики, монтеры. Поэтому прн иужде иам не приходилось кланяться разиым работничкам, илн как нх сейчас называют: ателье услуг. Начиись в одном из домов ремонт, прорвись вода или каиализацня, – все мужчнны с улнцы собиралнсь, н каждый старался помочь если ие рукамн, так советом. Самым иезаменнмым и уважаемым был и остается бай-Стоян[1] Марииким. Помню, когда ои только появился на нашей улице, поселнвшись в одном из домов, его уже называли бай-Стоян, хотя ему еще не было н сорока. После того, как ои вышел иа пеисию, ему разрешили открыть иебольшую слесарную мастерскую в одиом из уцелевшнх дворнков. Его поднимали среди ночн, чтобы открыть какой-ннбудь безиадежио заевшнй замок. И хотя в мнкрорайоие было миого иезнакомых людей, его знали все. Каждый, вспомннавшнй его, обязательио добавлял:

[1]Бай – почтительное обращение к старшему мужчине в Болгарии

„Золотые руки у человека!“ Руки его хвалнли все, но я, наверно, был едииствениым, кто ценил и зоркую проинцательность его глаз, – онн запомннали все, что им встречалось. Я уже иесколько раз просил его советов по моей работе.

Около половнны седьмого я позвонил ему в дверь, зная о его прнвычке рано вставать, хотя в мастерскую он уходил к восьми часам. Бай-Стоян легонько прнотkрыл двери, подал мне знак, чтобы я не шумел н не разбуднл его внуков, и повел меия на кухню.

– Что за нужда тебя привела так рано? – спросил он.

– Ну-у... – пожал я плечамн, – ты ведь знаешь...

– Садись, садись, – настоял он. – Я только что кофе поставил вариться, – ты не можешь отказаться.

– От кофе никогда! – улыбнулся я н вытащил нз кармана полизтилеиовый пакетнк. – Я принес тебе тут кое-что.

Бай-Стояи взял пакетнк, повертел его на свету, виимательио рассматривая блестящие обрезки.

– Оценкованиая жесть, – произнес ои. – Два миллнметра. Толстовата, обычно ее нспользуют для покрытия крыш. Мягкая и работать с ней легко.

– Это мне известно, – сказал я.

Бай-Стояи иедоуменно посмотрел на меня: „Что же тебя еще нитересует?“ – и опять уставился иа жестяные стружки.

– Работа мастера! – восхнщенно покачал он головой. – И ие какой-инбудь там, а зкстракласса! И ножнице у него отличиые.

Я решнл его поддеть:

– Насчет иожниц спорнть не буду, – произнес я, – а вот человек...

– Что такое?

– Он только, может быть, стоял рядом с мастерамн.

– Не может быть! – рассерднлся сосед.

– Такая ситуацня, – пожал я плечами. – Студент, подрабатывающнй летом.

– Исключено! – разошелся бай-Стоян. – Ты меня слушай. Такое от одного смотренья не сделаешь. Для непрнвыкшнх рук н самые распрекрасные ножнице неудобны, иа пальцах ссадины оставляют, злят только. Еслн нервно резать, то остаются обрезкн, будто жеваные, а иа зтн посмотри – ровные, одинаковые, как по шаблону сделанные.

– Спаснбо тебе! – вздохнул я. – Именно это меня н интересовало.

Бай-Стоян бросил пакетнк иа стол и налнл мне кофе.

– Это что, важно? – спросил он.

– Очень. Ты меия зтим от лншнего плутання спасаешь.

– Ох, эти дела... Кончатся онн когда-ннбудь в конце-то

концов?

– И коица, и края им ие видио, – успокоил я его.

– Удивляюсь я тебе, – покачал ои головой. – Вроде, умиый пареиь, и как ты связался с этим ремеслом?

– Как, – засмеялся я. – Сегодня немиожко, завтра иемиожко, и полюбил.

– Ну, да... И работа, как жеиа, – пробормотал ои. – Но я тебе прямо скажу, – тебе не позавидуешь. Кирпичиик, который всю жизнь грязь месит, больше твоей радости видит.

– Может, и так, – произиес я. – Слушай... можст ли здоровый мужчина... под восемьдесят килограмм, быть кровельщиком?

– Видишь ли, – задумался бай-Стояи. – Кровельщики, ты ведь зиаешь...

– Должиы быть полегче, – кивнул я – ииаче всю черепицу переломают.

– Да, ио сегодия и кровля уже другая, – он опять оживился и показал мие иа соседиий дом. – Видишь... Одии крышн асфальтом залиты, другие – жестью обшиты.

– И все-таки? – иетерпеливо ударил я ладоиью по столу.

– И все-таки... – задумчиво наклоиил голову бай-Стояи. – Все-такн, это возможно. У меия был одни зиакомый: такая громадина! – ио самый лучший кровельщик. Его только видели, за голову хватались. „Не бойтесь, – говорил ои, – я как только залезу наверх, сразу легче стаиовлюсь". Потому что и в этом деле все от сиоровки зависнт: где ступнть, как ступить... Так что, если это – его работа, – ои кивиул иа пакетик, – поверь мне – мастер:..

– Я верю тебе, – сказал я, убирая пакетнк в кармашек рубашки, и толкиул пустую чашку перед собой, – прекрасиый кофе варншь.

– Заглядывай почаще, – подиялся сосед.

– Ты зиаешь, – сказал я, – мие хочется как-иибудь вечером собраться так, за бутылочкой ракии.

– Хм! – усмехиулся ои и иедоверчиво подмигиул мие. – Ракия! Но ведь вам ие дают?

– Да, ие дают, – засмеялся я, – а мы потихоиьку... И ие будем говорить о работе.

– А о чем тогда говорить? – искреиие удивился ои.

– О Соловьииой улице.

– А, оставь! – иаморщился бай-Стояи.

– Ну, – махиул я легкомыслеиио рукой, – в таком случае поговорим о том, о сем. За ракией и закуской.

– Ты ие из тех, кто теряет время, – улыбиулся он и добавил, – ио ты приходи, что-иибудь сообразим!

Пока лифт плавио подиимал меия, я достал сиимок мертвого мужчииы, посмотрел ему в лицо и сказал: „Теперь я тебе верю, мастер!"

13

Всем известно, что в строительстве людей ие хватает. А поэтому думают, что любого рабочего, обратившегося в строительиую оргаиизацию, иаверияка встречают с цветами. И я так думал. Оказалось, что желающему, прежде всего, будет трудио обратиться: отделы кадров у строителей, как правило, запрятаны в самые укромиые и исприглядиые комиатушки. К иим нужио пробираться лишь при помощи иистиикта, лавируя в иеосвещеииых лабиринтах коридоров между грудамн старых столов н другой каицелярской мебели, перепрыгивая через кучи пыльиых папок, взбираясь по крутым чериым лестиицам. „Сколько же людей терялось по этому пути иа Голгофу?" – спрашивал я про себя, усмехаясь, пока двнгался по такому маршруту. Глупости! Люди идут сюда за иасущиым... Красивые переживаиия им дает кино! Я продвигался вперед, прищурившись, чтобы глаза привыклн к уиылому пейзажу коридора. „Но как иа это ин взгляин, – подвел я итог, – это иесправедливо".

Кадровики, крепко сидевшие за своими столамн, выглядели людьми бойкими и самоувереииыми: ведь от иих зависел и трудовой стаж, и зарплаты, и иазиачеиия, и повышеиия, и пенсиоииые сроки кучи людей. Но в их выливявших глазах скопились усталость и безразличие. Я появлялся в их комиатеиках как видеиие из другого мира, – хотя н ие совсем иезиакомого им, – мира, о котором оии слышали, который время от времеии им показывали по телевизору.

После долгой беготни, миогих встреч и иеутешительиых разговоров, в одиой из комиаток „Ремоитстроя" меия ожидал сюрприз: за столом, забаррикадироваиным „Оливетти", сидела девушка такая молодая и такая красивая, что я даже подумал: „Уже ие перепутал ли я опять двери?" – и хотел уже было выйти, чтобы посмотреть еще раз на табличку, ио меня остаиовили ее глаза. „Вы и так уже вошли, – мирио иастаивал ее взгляд, – почему бы ие остаться?". На ее лице медлеиио угасала будто забытая с давиих пор, улыбка. Русая, блестящая, как кукурузиый шелк, челка оттеияла ее лоб. Ее слегка согнутые плечи подсказывали, что оиа брошеиа, одииока и беззащитиа. Я смотрел иа иее, и во мие усиливалось чувство, что передо миой сидит та самая девушка, о которой мы мечтаем, когда уже изиемогаем от холостяцкого марафоиа. Подробиые и яркие впечатления о ием крепко и долго держатся в иашей памяти, ио после жеиитьбы как будто засыпают в ией.

И вот сейчас впечатления пробудились: выдуманная когда-то девушка сидела напротив и улыбалась. В тот же миг из-за фанерной перегородки раздался грубый женский голос, ругая кого-то, настаивая на каких-то больничных листах.

Мы переглянулись.

– Чем могу быть вам полезна? – спросила девушка. Ее звучный баритон, наверно, предупреждал женщину за перегородкой о моем присутствии,

– Ищу вашего кадровика, – пробормотал я.

– Это там, – кивнула она на фанерную дверь. – Товарищ Пенчева. Нужно подождать, – в ее последних словах проскользнула ироничная удовлетворенность.

– Ну, если надо... – пожал я плечами. – Долго еще будет продолжаться этот... спор?

– Почему вы не садитесь? – девушка улыбнулась глазами.

– Что ж, сяду, – произнес я, озираясь.

– Стул стоит точно за вами.

Не было нужды поворачиваться, сиденье само толкнулось мне под колени, заставляя меня сесть. Мне пришлось сжаться: так тесно было между шкафом и дверьми. Пытаясь забыть о неудобствах, я кивнул на двери:

– И так каждый день?

– Нон-стоп! – вздохнула девушка. – Даже когда не с кем ругаться, поднимает трубку и начинает... Защищает интересы организации...

– А вам не скучно? – попытался я сменить тему.

– Еще как! – посмотрела она мне прямо в глаза. – А почему бы вам не пригласить меня куда-нибудь? – лицо ее даже не дрогнуло. – На чашку кофе, например?

– Хотелось бы, – улыбнулся я, уверенный, что девушка шутит. Наверно, все мужчины, что входили в эту комнату приглашали ее: „На чашку кофе, например!“. А теперь она меня провоцировала. – Мне правда хотелось бы, – я дерзко посмотрел на нее, – но не могу.

– Что, запретил кто-то? – у ее губ легла аналитичная складка. – Ваша жена, дети, начальство?

– Все, – произнес я.

– Мне вас жаль, – загрустила девушка.

– Иногда и мне жалко.

– Жаль мне людей, – обобщила девушка. – Все могут себе запретить, но это... И лишь из-за того, что женаты, имеют детей и работают где-нибудь. Стоит мне заговорить с кем-нибудь незнакомым на улице, так смотрят на меня, как на сумасшедшую, и убегают. А сколько интересного мог бы узнать человек только от незнакомцев! У него и жизнь бы так стала интереснее, и мир вокруг него стал бы больше.

Я усердно кивал, якобы соглашаясь с ее рассуждениями, а сам думал: „Здесь что-то не в порядке!“ – одним ухом следя за перебранкой за фанерной стеной. Как только голоса поутихли, я вскочил, толкнул дверь и влетел внутрь. Кадровичка, пятидесятилетняя, с покрасневшим от гнева лицом, как раз переводила дух, чтобы продолжить. Мое внезапное появление ее совсем не смутило.

– Ты что, подождать не мог? – грозно сказала она мне, явно принимая меня за человека из их организации.

– На этот раз не мог, – я полез в карман за удостоверением.

– А в парикмахерской можешь! – продолжила она, не глядя в мою сторону и роясь в папках на своем столе.

Я показал ей удостоверение, женщина вмиг застыла, мучительно глотая гневные слова.

– Видели мы всяких, – пробормотала она.

– Тем лучше, – улыбнулся я ей и едва заметно кивнул на рабочего, стоящего около меня.

– Так! – сказала она, бросила ему какой-то формуляр и отрезала. – С тобой мы разобрались.

– Да, но, – наклонил он голову, готовый опять долго и подробно объяснять ей что-то. Если однажды взялся, так или иначе...

– Выйди! – прогнала его жестом кадровичка.

– Да, но, – упрямо наклонил голову рабочий, но она отрезала: „Все!“ – и указала ему на дверь. Он сморщился, наверняка проклиная ее в уме, повернулся и вышел.

– Слушаю вас, – вздохнула женщина.

Я положил ей на стол фотографию.

– Никогда его не видела, – отрезала она. – Абсолютно уверена.

– Ну, спасибо, – пожал я плечами. – Вы были очень любезны.

– Делаем, что можем, – улыбнулась она в ответ на мой комплимент и добавила. – Не думайте только, что я вам верю.

– В чем? – удивился я.

– Будете вы бегать из-за какой-то там фотографии! – криво усмехнулась она. – Ну-ну! Не на тех попали! Нет, не надо мне объяснять, я абсолютно уверена, – прервала она мои невысказанные возражения и раздраженно выпроводила меня. – До свидания!

Я кивнул, спокойно преодолел пространство до двери. Не понял только, я ли ее дернул, или это ветер захлопнул ее со всей силы за моей спиной. Этот стук, как будто разбудил девушку. Я видел, как она медленно поднялась. Теперь ее плечи выглядели еще более деформированными, как будто ей позвоночник сломали.

„Жалко ее красоту!“ – подумал я.

– Вы закоичили? – по-свойски прошептала оиа хриплым голосом.

– Обошлись непродолжительиой встречей.

– Вот, – девушка протянула мие какой-то листочек и вздохиула. – На всякий случай... Если вдруг вам захочется поговорить с кем-ибудь...

Оиа записала свое имя, – Петраика Маричкова, и телефои.

– Вы очеиь добры, – улыбиулся я ей. – Хорошо, сслн...

Я хотел сказать: хорошо, если мне выпадет такой случай, или если у меия будет время, – ио по ее глазам я поиял, что все, что я ии скажи ей сейчас, все будет ошибочным.

Сунув листочек в кармаи, я вышел. „Эти жеищииы... – смущеино бормотал я. – Эти жеищнны в последнее время...“

14

До конца неделн расследованне не сдвннулось с места. Все смотрели на фотографню, пожималн плечамн, ннкто даже не дрогнул, никто не всмотрелся по-вннмательиее.

Топтаиие на месте, кажется, н ие должно было бы меня особенно тревожнть: я был уверен в своей верснн, по опыту зная, что начало любого расследовання утомительно н нудно. Но какая-то неясная тревога все-такн мутнла мне кровь, гоняла ее толчкамн, не давая мне покоя.

Я оставнл „Ладу“ н пожел по городу пешком. Отправнлся я по предварительно намеченному маршруту целеустремленно, зло и настойчнво. Ногн мон дрожалн от усталости, я боялся прнсесть куда-ннбудь даже на мннуту, бежал от душного н потного ада трамвая, зиая, что стонт мие только остановнться – тягостные размышления мгиовеино сжалн бы меия, н стало бы еще труднее н мучнтельнее. Мие иужио было двнгаться, каждую секунду решая какую-ннбудь простейшую задачу, зачеркнвая в запнсной кинжке адрес за адресом, отбрасывая одиу возможиость за другой, которые определил как еднннственые ие только для себя, но и для ребят, тем самым заставив их мучиться без всякого результата.

Но, вот что страиио: каждый отрицательиый ответ кадровиков, как будто озарял мою душу и успоканвал ее. Я хорошо поинмал, что это успокоеиие к добру ие приведет, такое успокоеиие, иеподвижиое и сумрачио холодное, властвует лишь в давио покииутых, безиадежно пустых, иикому ие пужиых простраиствах.

Я носнлся по улицам, представляя, что сейчас думают ребята. Изиутри опять что-то давило, опять я пытался усмирить сумасшедшие толчки крови. „У тебя и раиьше это было! – утешал я себя. – И раиьше... А сейчас, кроме того, и жара какая, и сыи у тебя болеи: как тут не заиервничать! Все пройдет, как и раиьше“. Я внимательио вслушивался в свои утешения: звучат, кажется, убедительио, и логика есть. Мое горемычиое сердце, утихая, иабралось иакоиец-то мужества, чтобы облегчеипо вздохиуть, и вот какой-то упрямый скептичиый голосок пронзил меия: „Раньше всякое могло быть, а теперь – другое дело!“ И кровь опять застучала по моим барабаииым перепоикам, и я ускорил свой шаг.

В пятннцу вечером мы собралнсь, нзмотаииые иервнымн перегрузками и беготией. Ребята молча клали сиимки мертвеца иа мой стол, пожнмали плечами, стараясь ие смотреть мне в глаза. А ведь это мие иадо было бы прятать свон глаза.

Держался я иепрннуждеиио, будто мы в лесу иа пикиике: подшучнвал над ннмн, смеялся, вел себя как выпившнй. Старался не перебарщнвать, чтобы онн не заметилн притворства. Когда онн все уселнсь, я встал, оперевшнсь на стол:

– Ну, что теперь, – произиес я, – сдаваться будем?

Ничего более глупого мне в голову не могло прийтн. Онн смущенно посмотрелн на меня. Я храбро выдержал их взгляды. У меня есть правнло: еслн попал в глупое положенне, ведн себя и дальше глупо, хотя тебе н не хочется, – так тебе ннкто не повернт, все подумают, что ты нх дурачншь.

– Ну, сдаваться! – недовольно поморщнлся Кынев. – Разрешнте... я поделюсь некоторымн соображеинямн...

Я одобрнтельно кнвнул головой, н Кынев пустнлся в ненужные рассужденuя, неловко жонглируя уже нзвестными фактами. Ему хотелось втолкать нам, что иаправленне расследования ошибочно, н вообще...

– Вообще... вообще... – замялся он и предпочел замолчать. Ои вздохиул, оглянулся, ища поддержкн у ребят, но они не отозвались на его взгляд, н он волей-иеволей только плечамн пожал.

– Ну, что ты смущаешься, все правильно! – одарнл я его лучезариейшей улыбкой. – Мы сейчас здорово устали. Со следующей неделн направлеиие меияем. Есть кое-какне мысли.

Оии посмотрели иа меия заиитриго144ваиные. В подобиых ситуациях я всегда говорю, что у меня есть кое-какие мысли, хотя голова, как барабаи.

Поздно вечером мы ехали иа автобусе в село. Около меня иа сидеиье вяло покачивался сын и при каждом сильиом толчке морщился.

– Может быть, нужно было машиину взять, – посмотрел я иа иего.

– Оставь! – дериулся ои, зло посмотрел иа меия и прошептал. – Ничего у меия иет, ие ясио что ли!

– Вот теперь ясно, – улыбиулся я ему.

Ои, довольный, закрутил головой: в коице коицов, ему удалось утереть мие иос, – и бросил быстрый взгляд назад. Нужды мие оборачиваться ие было: еще перед тем, как сесть, я заметил иа задием сидеиье светловолосую девочку. „Вот так, – произиес я про себя. – Так и...“ Я расслабился. Простраиство стояло передо миой, как стеиа, и, как-то страиио раздваиваясь, пропускало иаш автобус в свою оловяииую утробу. Я закрыл глаза и попытался забыть все, что оставалось за моей спиной. И в этот миг я осозиал, что бегу, вслепую, паиически, сломя голову.

Я бежал впервые, и мие было хорошо.

15

Бегство не принесло мие утсшеиия.

Объятия мамы, ее счастливые упреки: „Зачем тащишь столько, у меия все есть!“ – ие расслабили мои нервы и ие иастроили меия всласть поговорить, погрузиться в долгий, почти летаргический сои, который как будто растворяет плоть в благоухающем и иедвижимом воздухе деревеиского дома. Я болтал рассеяино с соседями, отвлекался работой иа дворе, ио ие сводил глаз с Иво. Ощущая иа себе мой пытливый взгляд, он сердился: „Ничего иет. Все в порядке!“ – усердно пил лекарства, собирал для игры иа поляне своих друзей, делал то да се н все время иаходил повод, чтоб присесть куда-нибудь, прилечь. Я смотрел иа иего и ие верил своим глазам: десять дией тому иазад ои ие остаиавливался ии иа мииуту, а теперь... Сердце мое было не иа месте.

На следующий деиь, после того, как его вырвало несколько раз, сыи лег в постель, с чувством неиависти к своему телу, которое так зло шутило с иим. „Что вы на меия уставились?“ – вздрагивая, крикиул ои иа иас с матерью и зарылся головой в подушку.

Мама потихоньку дернула меия за рукав:

– Пускай поспит, – шепнула она. – Сои – наилучшее лекарство.

Задумчивое выражеиие лица, ее медлительиый, мучительио вырвавшийся голос подсказал и мие иасколько эфемериа ее вера в „иаилучшее лекарство“.

– Да, – уиыло сказал я, – пускай поспит.

Растерянный, я вышел иа двор. Я не зиал, что мне делать и впервые испытал все еще неясиое, ио ужасающее чувство: что бы я ии сказал, что бы нн сделал – толка от этого ие будет. Это чувство паралнзовало мое тело и волю, я ощущал себя высушенным изиутри. Избегал взгляда матери.

– Немедлеино отведи его к врачу, – сказала она.

– Былн уже.

– Ну и что? – она сиова уставнлась мне в глаза.

– Что! – покачал я головой. – Лекарства, диета... Ты сама виднншь.

– Ничего, – вздохиула она. – Опять отвези.

Иво спал иепробудно до вечера, а когда просиулся, мы заметили, что его веки ужасио опухли. Он сам, посмотрев иа себя в зеркало, оцепеиел: „На китайца похож!“ – но сразу после этого попытался рассеять наши тревоги:

– Это от сиа. Со мной уже бывало.

Его голос был ослабевшнм и глухим, он сам себе не верил. Сразу согласился поехать в Софию. Мама проводила нас до ворот, но ие пожелала нам, как бывало, доброго пути, я удивлеино посмотрел на нее через плечо: радужкн ее глаз остеклеиелн, скулы побледнели, она еле сдерживала слезы. Я побежал за сыиом. Он шагал крупиыми шагами, ссутулившнсь, опустив руки, как будто на его плечн свалнлся огромиый груз.

Он еле выдержал поездку. Не хотел и слышать о „Пнроговке“, лег в постель н заснул, ие раздевшись.

16

На рассвете я позвоиил Бате.

– Хорошо, что позвоинл, – сказал он. – Вчера несколько раз искал тебя.

– Зачем? – прохрипел я.

– Забирай ребеика и идите сразу ко мие, – распорядился ои, но, заметив, что переборщил со своей строгостью, добавил: – Приходи, все расскажу.

Я бросил трубку, разбудил сына н, не слушая его протесты, посадил в таксн...

Батя ждал нас у входа. Ои внимательно посмотрел иа опухшне веки сына н покачал головой:

– Так н знал.

– Что? – мне хотелось закричать, ио я едва узнал свой голос.

Вместо ответа Батя киул: – „Идемте!“ – и повел нас по коридору. Иво иемного отстал от нас, и врач, не поворачивая головы, сказал мие:

– У иего что-то с биохнмией.

– Но ведь... – попытался я возразить.

– Не обращай внимаиия иа те аиализы, – с иеприязнью махиул Батя. – Оии были просто так... чтоб сорнентировать иас... Нанболее достовериа – бнохимия.

– Что нам теперь делать? – спросил я. В горле у меня пересохло.

– Его иужио положить в отделение.

– На какой срок?

Батя пожал плечами, заводя иас в свой кабинет. Сел за стол, пряча от иас глаза.

– Ты его уговоришь? – тихо спросил он и кивнул на сына, который оперся об радиатор и рассеянно глазел в окио.

Я задумчиво сжал губы.

– Ты не звонил в управлеиие? – повысил голос Батя.

– Нет, ие звонил, – сказал я и мне что-то стало ие по себе. Впервые я забыл о работе. Что мне делать? Я растерянно смотрел то на Батю, то на сына, как будто ожидал от них ответа.

– Беги и решай свои дела, – сказал врач, – а мы с Иво как-нибудь разберемся. Ои уже взрослый. Так ведь, Иво? Сколько тебе лет, шестиадцать?

– Четырнадцать, – недовольно пробормотал сыи, заметив, что иад иим подырывают.

– Ну, четыриадцать... Разве мало? – развел Батя руками. – В таком возрасте когда-то женились, сами зарабатывали на хлеб.

Сын смотрел на него расширениыми от страха глазами, тщетио пытаясь улыбнуться.

– Давай отца отпустим, – продолжал уговарнвать его Батя. – Мы сами как-нибудь разберемся.

– С чем? – хриплым голосом спросил мальчнк.

– Ну, с чем... – пожал плечами Батя. – Со всем. И прежде всего, что будем делать с твоей болезнью.

Эти слова вместо того, чтобы успокоить сына, подияли его со стула, повергнув в дикий, животный ужас. Раскинув руки, ои озирался по сторонам, готовый бежать через закрытую дверь, через заполнениые автомобилями улицы, через весь мир – куда бы ои только убежал? И в этот мнг он встретил мой взгляд. Вздохнул, расслабился – обессилевший, примирившийся, отчаявшийся.

– Давай, иди, – тихо напомнил мне Батя.

И я попятнлся к двери. Я знал, что это нечестно: в этот момент я спасал себя, напрасио всматриваясь в глаза мальчика. Посмотри ои иа меня, позови, я остаиовился бы, вериулся; но он стоял выпрямившись, глядя на свои иоги, притихший, повзрослевший, а я продолжал пятиться, и вроде мелкими шагами, ио сразу очутился у дверей, повериулся и побежал. Остаиовил первое попавшееся мие такси, повалился иа сидеиье и закрыл глаза. Не помню даже, как проехали пол-Софии. Когда я посмотрел перед собой, увидел управлеиие, – как будто меия телепортировали.

В своем кабинете я застал ребят из отдела. Их глаза беспокойно бегали. Первым взял себя в руки Марко:

– Беги сразу к Кирнллову! – сказал мой помощник. – Он разыскивает тебя повсюду.

Я хотел его спрасить: „Зачем?“ – но замстил. что это прозвучит глупо и не к месту. Что-то пронзошло, что-то такое, чего никто не ожидал. Я побежал наверх, посматрнвая иа часы: шел девятый час. Прижал их к уху, – идут, старая „Докса“ никогда меня не подводила.

Кириллов встретил меня угрюмый.

– Ты что это... – начал он сердито, но посмотрев на мое лицо, замолчал, прокашлялся н опять бросил, – Что-то случилось, да?

– Ребенок, – кивнул я н заговорил, как робот, у которого произошел сбой в программе. – Состоянне ухудшилось. Пришлось опять... в „Пироговку“...

– Надо было позвоннть, – махнул рукой Кириллов, повернулся и замолчал, глядя в окно.

– Забыл, – мой голос прозвучал как-то гулко. – Со мной такое впервые. Не по себе стало... Просто...

– А внизу твои люди ломают голову, не зная чем заняться – сказал он. – Разве что в карты не играют, – Кнриллов повериулся, посмотрел на меня и покачал головой.

Я пожал плечами, едва сдерживая улыбку. Теперь я знал, что произошло утром в моем кабннсте: ребята во весь голос обсуждали безрезультатные поиски и, наверное, переборщилн в словечках в мой адрес. „Но ведь это хорошо! – хотел сказать я. – Значнть, работа им не надоела“.

– Кынев в курсе дела? – спросил полковник.

– Да, – сказал я. – Полностью.

– Если сегодня ты не в состояннн работать, передай ему руководство, чтоб они там внизу не слонялнсь без дела...

– Сам справлюсь, – пробормотал я. – Разрешите...

– Иди, – повернулся Кириллов. – И не пережнвай! Детн для того и есть, чтоб создавать нам неприятности.

Пока я спускался по лестнице, вспомнил: я пятннцу я обещал ребятам, что мы используем новое направление розыска. Наверное, они уже попытались разгадать, что я нмел в виду. А я пока ничего не придумал и не знал, что им сказать.

В комнату я вошел, улыбаясь. Онн посмотрели на меня, вздохнули и потупили взгляды. „Они сознаются!“ – отметил я и сел за стол. Переворошил газеты, достал из сейфа папку, пролистал ее. Я пытался выиграть время, мозг лихорадочно работал.

– И что сейчас самое важное? – спросил я.

Они удивленно посмотрели на меня, пожали плечамн. Кынев задержал свой взгляд на моем лице: хотел понять, что со мной происходит. Я улыбнулся ему и продолжил:

– Самое важное сейчас, а также вчера и позавчера, – не терять голову. Это, во-первых! Во-вторых, предлагаю еще раз проаналнзировать снтуацню.

– Проаналнзировать? – искоса посмотрел на меня Кынев.

– Ага, – в упор посмотрел я на него. – Ты имеешь что-нибудь против?

– А! – отступнл Кынев, бросил заговорщнцкнй взгляд на ребят, но ннкто его не поддержал, н добавнл: – Почему я должен быть против?

– Мне так показалось, – сказал я.

– Я просто не вижу смысла, – заупрямнлся он. – Можно аналнзнровать, если что-нибудь нмеешь, а у нас... – он запнулся, в поисках слова поделнкатнее. – Пока ннчего.

– Пустота тоже является объектом анализа, – махнул рукой я н разложил фотокарточкн мертвого на столе. – Кадровики говорят: „Не знаем его". Ну, а еслн у них нет чутья н памяти на лица, еслн онн профессионально, так сказать, плохие физиономнсты? Подумайте. Чем заннмаются кадровики, людьмн нли документамн? Для них внешность какого-нибудь человека, черты его лица не нмеют никакого значення, не привлекают нх вннманне. Документ вспомнят сразу, вплоть до его номера.

– Значит зря время тратили, – вставил серднто Кынев.

– Потом предоставим тебе слово, – отчитал я его н продолжил, восхнщаясь, как легко текла моя мысль. – Давайте думать хорошенько: какне должиостные лица обязаны знать рабочнх в лнцо, и если ошнбутся, то им эта ошибка прннесет большне иепрнятиостн. Им придется платнть нз своего кармана.

Ребята смотрелн на меня заннтрнгованные, наморщив лоб, н искалн ответ на загадку. Кыиев беззвучно шевелил губамн, как будто считал что-то.

–Ну, давайте! – похлопал я рукамн как учительиица. – Легко догадаться.

– Сторожа! – прервал меня Кынев. – Еслн они пропустят незнакомого, с ннх сразу три шкуры сдерут.

– Ты прав, – сказал я, – только на стройках пока сторожей нет...

Ребята началн улыбаться, а Кынчев вскнпел:

– Я в прнннцнпе... – пробормотал ои. – Но и это не совсем так.

– Что? – я искоса посмотрел на него.

– То, что мы должны нскать его иа стройках.

– Это едннственное, что мы знаем точно, – отчеканнл я. – Мастер-жестянщнк. И чтоб не терять больше временн, люди, которые должны знать рабочих в лнцо – это касснры. Те, кто выдают зарплату каждый месец.

– Даже два раза в месяц, – сказал Марко.

Ребята притнхлн, нх занитриговалн мои последине слова. Онн уже продумывалн предстоящие маршруты в учрежденческих дебрях, уже отправлялись на поиск, просчитывалн каждый шаг.

– Думаю, задача ясна, – сказал я. – Касснры. По старому распределенню. Опять повторяю, мы должны действовать очень осторожно. Кынев, как насчет дополнительного списка стронтельных бригад?

– Доуточняю, – пробормотал подавленно мой помощник.

– Срок – среда, к обеду. И еще, можешь не запнсывать. Иногда мне придется отсутствовать, ты берешь на себя руководство.

– Это будет часто? – промямлнл он, с трудом скрывая свою радость.

– Не знаю, – вздохнул я. – У меня проблемы с сыном.

– Что-то серьезное? – взглянул он на меня украдкой, н его взгляд как будто смягчился на секунду, потом его зрачки заполнило радостное возбуждение.

„У него детей нет, он не знает, что это такое!" – подумал я и сказал:

– Пока ннчего не знаю... Если меня не будет, ты берешь на себя руководство, только запомни: – не перегнбай палку.

– Знакомо дело, – кивнул Кынев н поспешнл выйти.

17

В урологнческом кабинете я застал Батю, заннмающегося с очередным пациентом. Он поднял голову, посмотрел иа меня, глаза его потухлн.

– Подождн меня в коридоре, – зло процеднл ои.

– Где Иво? – успел спроснть я.

– Посмотри в коридоре, – пробормотал ои холодно, снова склонившнсь над пацнентом. – Вроде бы пошел купнть себе булочку:.. Дубовая башка!

Я выскочнл в корндор, прошелся по нему иесколько раз, вышел во внутренний двор, обошел все аллеи, заглянул во входы клнннк, в кафе. Сына и след простыл. Что могло пронзойти? „Доктор, доктор, – скрнпел я зубами, – иеужели так можио бросать ребенка, доктор?" Его хрнплый злой голос болезиенно врезался в мое сознаине, я пытался проаналнзировать его, растолковать, узнать что кроется за инм. „Что крутнщь-вертнщь, доктор? – пыхтел я. – Что ты выкручнваешься. А я, зачем так легко ушел, якобы из-за пацнента – велика важность! Нужио было остаться там н крнчать тебе в лнцо, пока не уразумеешь, о чем ндет речь".

Я иашел сына в саднке за павилноиамн. Ои сндел на затеряниой среди кустов скамеечке, сосредоточенно смотрел перед собой н хлюпал носом. В ногах валялась разломанная булка. Увндев меня, мальчик заплакал. Его

губы предательски задрожали. Плечи затряслись, и напрасно он, сгорбившись, обнимал их, сжимая своими костлявыми руками, – они истерически дрожали, яростно стряхивая с себя налет избалованности и притворства, при помощи которых он порою вымаливал себе с нуждой и без нужды мое сочувствие.

Я сел возле него, ласково погладил. С неожиданной ловкостью он сунул голову мне под мышку и сразу затих. Когда он был маленьким, то всегда искал моей защиты именно так.

– Возьми себя в руки, – спокойно сказал я ему. – Ты уже мужчина.

– Не хочу в больницу! – крикнул он и начал стучать кулаками по скамейке, – Не хочу, не хочу...

– Слушай, – вроде ласково начал я, но слова оскребли мое горло. – Ты всегда меня слушался. Тебя должны внимательно обследовать, установить что с тобой на самом деле, чтоб мы не таскались сюда каждый день. Не думай, что мне это нравится...

– Они же меня обследовали, – заупрямился он. – Я ведь пью эти проклятые лекарства!

Слово „проклятые" прямо вырвалось у него из горла, будто с ним он хотел отбросить свою болезнь, покончить со своим страхом раз и навсегда.

– Ну, да, – сказал я. – Ты же видишь, что они не помогают тебе. Ложись сейчас, чтобы узнать чем ты болен, а потом, – я тебе обещаю! – даже они захотят тебя задержать, я заберу тебя домой. Ты знаешь, я тебя никогда не обманывал.

Я его уговаривал, старался, чтобы голос звучал убедительно, и мне было страшно, что я так легко выговаривал эти слова. Кровь замерзала в моем сердце, и оно, бедное, немело от ледяного куска, который рос в нем и хотел разорвать его.

– Когда ты придешь забирать меня обратно, – уныло покачал головой Иво, – они скажут: необходимо сделать другие анализы, потом другие и я навсегда останусь там, чтоб они кололи меня. Вот увидишь.

Его голос прозвучал тихо и с отчаяньем, я приподнялся, но прежде, чем сострадательные слова сорвались с моего языка, он встал и сказал: „Идем".

В его недавнем побеге, в плаче, в его взволнованных словах как бы растворились весь его страх, его вымыслы. Теперь он шагал навстречу единственной реальности, стоявшей на его пути, примеренный с мыслью, все равно она всегда будет на его пути. Он шагал быстро и уверенно. „Вот! – отлетали его плечи, отбрасывали любую возможность. – Вот! Это все".

Мы бесцеремонно вторглись в кабинет Бати.

– Вот и мы, – улыбнулся я с порога. – Мы договорились.

– Ну да, – кивнул устало он. – После того, как он мне нервы потрепал.

– Кто? Иво? – улыбнулся я через силу. – Не может быть.

Я украдкой посмотрел на сына. Теперь он стоял у окна, как-то далеко от нас, маленький и одинокий, скрестив руки, ненавидя наши любезные улыбочки, ласковые и как будто убедительно произнесенные словечки, которые должны были внушать ему смелость.

Батя дал мне желтую папку:

– Это документы. Передай их дежурной сестре в отделении.

Старательно избегая моего взгляда, он пожал плечами, как будто хотел сказать: „Это все. Я больше ничего не могу сделать!"

– Может, я зайду потом к тебе? – я облизнул пересохшие губы.

– Заходи, – он опять пожал плечами. – Ты сам видишь, что творится в коридоре... Столпотворение.

Он гнал меня.

– Ладно, – кивнул я резко и повернулся.

– Зайди завтра к восьми, – крикнул он мне в спину потеплевшим голосом.

Я уже шагал по коридору, кипя от гнева. Иво испытывающе посматривал на меня. Я обнял его.

– Каждый придает себе важности! – сказал я. – Как только мы избавимся от твоей проклятой болезни, они увидят...

Он доверчиво прильнул к моей руке. Теперь мы стали союзниками.

– Будем жить, как хотим, – добавил я. – Остальное не имеет значения.

„Когда у нас все в порядке, мы ищем друг друга, – рассуждал я ожесточенно, – добры, человечны, даже готовы пожертвовать собой, а когда с нами случится что-нибудь плохое, делаем вид, что нас бросили, будто ничего не было". Я подбирал обидные слова в адрес Бати, хотя и знал, что завтра утром я раболепно буду ждать его у кабинета.

Раньше я не верил людям, которые говорили, что они унижали себя, совершали преступления во имя своих детей, но сейчас верил в это.

Во дворе сын сгорбился, руки его повисли. Молча вошли в клинику, поднялись на лифте на четвертый этаж. Я толкнул алюминиевую дверь, но она не открывалась. Нажал на нее со всей силой. Ребятишки изнутри делали мне какие-то знаки, а я улыбался им, кивал головой, но не мог понять, что они хотели мне сказать. Наконец-то пришла санитарка, крупная женщина с поседевшими волосами, небрежно толкнула дверь, ее алюминиевая

рама проскрипела оглушающе, белый мир отделения как будто треснул и открылся перед нами, и мы задохнулись его горьким запахом мочи и карболки.

Санитарка приласкала моего сына:

– Этот мальчик к нам поступает?

– Да, – сказал я и отдал ей папку. – Вот...

– Иди сюда, миленький, – она взяла папку, повела Иво по коридору, заставила его сесть на единственный стул. – Садись, пока найду тебе тапочки.

Сын буквально упал на стул и замер. Согнувшись, прижавши отчаянно одну ладонь к другой, он мрачно смотрел перед собой, а вокруг него собирались дети, рассматривали его с нескрываемым любопытством. Я не мог сдержаться, хотел его приласкать, внушить ему смелость, и в этот миг меня заставил вздрогнуть голос санитарки:

– Товарищ, прошу вас! Это запрещено!

Я поднялся, улыбаясь смущенно и жалко.

– Посторонним вход запрещается, – объясняла санитарка, – понимаете...

У моих ног громко шлепнулись кроссовки сына. Медленно, как облака, проплыли через пространство его джинсы, свитер, рубашка и повисли на моих руках.

Алюминиевая дверь всхлипнула, коротко и безвозвратно щелкнул замок. Вслед за этим категорическим звуком все превратилось в безнадежность и пустоту.

Я смотрел через окно, как санитарка похлопала сына по плечу, как повела его по бесконечному коридору, он небрежно шагал рядом с ней, волоча огромные тапочки. И ни единого взгляда, ни какого, хотя бы беглого, знака мне, даже не повернулся. По ту сторону, в просторном и прозрачном аквариуме, для моего мальчика начиналась другая жизнь – беспощадно открытая, выскобленная до бела от болей и страданий, скудная на радости, лишенная декораций. Для меня там не было предусмотрено место. По крайней мере, сейчас.

Пока я спускался вниз по лестнице, руки буквально не выдерживали тяжести кроссовок. Огромная пустая обувь, лишенная веса и тепла живой плоти, для меня всегда была наиболее ярким символом смерти. Много раз уже я всматривался в их безжизненную пасть, зарекаясь не волноваться: „Это всего лишь очередное вещественное доказательство, лежащее на твоем столе!“ – но мне все время не удавалось избавиться от жалости к их уже мертвому собственнику: „Он мог бы износить еще не одну пару обуви!“.

И вот сейчас я нес кроссовки своего сына. Я боялся посмотреть на них, нес зажмурив глаза, вслепую, оцепеневший, и на каждом шагу мне хотелось швырнуть их, но неусыпная мысль в моем мозгу подсказывала мне, что это будет предательством по отношению к сыну.

18

Я не помню более отвратительного дня, чем этот. Впервые я ощущал себя по-настоящему одиноким, таким уязвимым, подвергаемым угрозам со всех сторон. Я ездил по городу на „Ладе“ и как будто занимался делами, но ощущал пустоту, будто бы остался без сердца. Пока говорил с людьми, несколько раз ловил себя на том, что забываю о чем говорим, где я, кто я... Непорядок, подумал я, надо взять отпуск. На кочках и выбоинах в багажнике стучали, подскакивая кроссовки сына, напоминая мне почему-то адскую машину. Несколько раз я проскочил на красный свет. „Нужно остановиться где-нибудь, – решил я наконец, – пока не произошло что-нибудь“.

Город двигался мне навстречу, злой, враждебный и чужой. Настоящим чудом было то, что нам все-таки удавалось разойтись. Ладони скрипели на баранке, обветренные и сухие, и внутри я ощущал себя высушенным. С каждой минутой я понимал, что мне некуда скрыться от беды.

Я остановил машину у недавно открытого кафе и вошел туда. Заказал кофе и облокотился на высокий стул. Подумал про себя: „Скоро освободится место за каким-нибудь столиком – я сяду“. За спиной темные, будто закопченные витрины укрощали солнечный свет, разлагали его. Модное итальянское оборудование бросало смутные отблески. Вдоль стен толпились молодые люди в джинсовых костюмах, рассеянно жевали жареную картошку и бутерброды и вяло покачивались в такт музыки. Сильно проголодавшимися они не выглядели. Наверное зашли сюда просто так, ради престижа. Протертые джинсы, их румяные безразличные лица напоминали мне о мертвом. „Если бы у него было больше удачи, – подумал я, – сейчас бы он попивал свой кофе с ними...“

– Это ваша постоянная публика? – спросил я бармена.

– Простите? – он холодно и свысока посмотрел на меня, я чуть не простудился от его взгляда. „Наверное, он недавно в барменах, – подумал я. – Опьяненный от счастья и не упускает случая, чтобы похвастаться“.

– Наверное, вы не разговариваете с людьми, которые не представлены вам официально? – улыбнулся ему я.

– Почему? – он безразлично пожал плечами и потупился, чтоб спрятать тревогу, появившуюся в его глазах. Его ресницы были длинными и изогнутыми как павлиный хвост.

„Красавчик! – подумал я. – Он убежден, что весь мир

принадлежит ему. Имеет право“.

– Я спросил тебя, – начал я смиренно, – это твоя постоянная публика?

– Я должен вам ответить? – процедил он и как будто сам ужаснулся наглости своего ответа и улыбнулся растерянно. В его улыбке, между тем, показалась раболепная готовность услужить сию минуту. – Почему вы спрашиваете? – добавил он.

– Потому, – я показал ему свое удостоверение. – Я любопытен...

– А-а-а! – замкнулся он и начал повторять, – Ну да, ну да... – как будто подтверждал изумленный какое-то свое предположение.

– Что „ну да“, – не дал я ему прийти в себя. – Так ли это?

– Так, – вздохнул он мучительно, как школьник, который признается в своих ошибках. – С утра до вечера одно и то же...

– А этот, – я показал ему фотокарточку, – не показывался?

Бармен вздрогнул и так стремительно наклонился ко мне, как будто он хотел перекувырнуться через высокую стойку, разделяющую нас.

– Спокойнее! – остановил я его. – Меня интересует только, заходил он или нет.

– Нет, – покачал он головой. – Никогда.

– Ну, ладно, – я сунул фотокарточку в карман. – Сам видишь, что не больно.

– Что? – его голос стал хриплым.

– Надо отвечать, когда тебя спрашивают.

– Ну да, конечно, – он так начал подлизываться, что мне даже стало совестно. – Вы посмотрите сколько народу, – кивнул он на очередь. – Каждый нервничает, каждый спешит.

– Согласен, – кивнул я ему поощрительно. – Извините...

– Не за что, – развел он руками и, осененный внезапной мыслью, наклонился ко мне. – Оставьте мне свой телефон...

– Зачем тебе? – я внимательно посмотрел на него.

– На всякий случай... Если этот зайдет сюда...

„Он уже не зайдет! – подумал я. – А ты, браток, занимайся лучше своим кофе. Если будешь и дальше его так подавать, несмотря на то, что прикидываешься другом, все равно влипнешь“.

– Живи спокойно! – махнул я рукой и попытался сменить тему. – У вас сидячих мест не хватает.

– Так спроектировали, – энергично пожал он плечами, как будто хотел сбросить с них несправедливо свалившуюся вину. – Но для вас сделаем что-нибудь. Еще один кофе?

– Хорошо, – кивнул я и поспешил дать ему деньги.

После того как бармен налил кофе, он повел меня к колоннам в глубине заведения. Оказалось, что за ними находился скрытый от глаз нетерпеливого посетителя другой зал, похожий на пещеру. Мне пришлось напрячь глаза во внушающем страх полумраке, чтобы увидеть богатую обстановку: массивные кресла, квадратные столики, дорогие бра. Тихая музыка, доверительный шепот посетителей, каждый предмет вокруг, все отдавало высокомерием и снобской недосказанностью.

Я ломал голову, куда же он посадит меня: везде было занято. Он убрал табличку „Служебный“ со столика у бара, подмигнул своему коллеге и сказал мне:

– Вот сюда... Располагайтесь.

– Мы не ошиблись? – указал я на табличку.

– Что вы! – настаивал он. – Вы ведь на государственной службе.

Мне хотелось возразить ему: строго говоря, любой из нас в каком-то смысле на государственной службе, но за спиной раздался настолько знакомый мне голос: „Нам тоже можно туда присесть?“ – что я поспешил сесть и прикрыть свое лицо.

Я готов был поклясться, что за мной стоит Розалинда Георгиева, причем не со своим супругом.

– Столик служебный, – сухо отрезал бармен, но, наверное, догадался по ее напористому тону, по воинственной внешности, что у него могут быть неприятности, и поспешил добавить любезно: – Вот, напротив освобождается...

– Спасибо! – царственно прозвучал ее голос, заставив стихнуть и музыку, и разговоры.

Мне пришлось слегка повернуться, чтоб увидеть их: Розалинда – изящная, торопливая и нервная, мужчина – настоящий исполин, потный, стесненный.

Сели благоприличио в кресла, ни на минуту не сводя глаз друг с друга: сейчас они начинали с помощью взглядов прерванный разговор. „Ишь ты, – удивился я, – эта женщина, такая невзрачная и неприметная, а с какими мужчинами имеет дело – косая сажень в плечах“. И пока я вслушивался в свои собственные рассуждения, одна мысль, засевшая неизвестно с каких пор в моем подсознании, выплыла наружу.

„Вздор! – пробормотал я. – С какой стати... И все-таки всякое бывает...“

Мертвый, чью личность сейчас выясняли, тоже был рослый, представительный мужчина.

Розалинда смеялась звонко, неудержимо, как будто ее щекотали, и настойчиво ухаживала за своим кавалером. Найдя благовидный предлог: встряхивать невидимые пылинки с его отворотов, она ласкала его исступленно, неистово, а не щипала, и было настоящим чудом, что все еще не разорвала на нем рубашку.

– Что будем пить? – задыхалась она – А-у, что мы будем пить? Ну, скажи...

– Ну, что... – гигант наконец-то попытался усмирить ее. – Ракию.

– Чудесно! – она ловко убрала свою руку далеко от его ручищ. – Какую ракию?

– Ну... – пожал он плечами, – какая есть.

– Сливовую, виноградную? – настаивала она, продолжая „обыскивать" его рубашку.

Гигант не выдержал, слегка шлепнул ее, но совсем слегка, просто так, без злобы, а женщина пошатнулась, как будто уронила что-то под стул и наклонилась, чтобы поднять. Когда она выпрямилась, ее глаза были широко открыты, удивленные, восторженные. На их прозрачном глянце, светящемся восхищением, играли холодные, насмешливые отблики.

„Браток, – сказал я, – если бы ты знал, что она надумала..."

Розалинда улыбнулась, как будто ничего не случилось и встала.

– Пойду принесу, – сказала она.

– Что? – встревожился гигант.

– Ну, не рыбу же! – успокоила она его.

Своим приближением к бару она заставила меня снова укрыться в тень. Розалинда заказала спиртное, и через минуту стаканы виски стояли на столе перед гигантом. Он поднял свой стакан и понюхал его содержимое:

– Правда, что не рыба – сказал он.

– Это ракия из кукурузы, – назидательно кивнула она ему. – Виски...

– Правда? – удивился гигант.

– Само собой, – кивнула она. – Небось, не пробовал.

– Нет, слышал только... – Он якобы любовался своим стаканом и вдруг вылил виски в рот, шумно проглотил и вытер губы ладонью.

– Ну, ты дасшь! – воскликнула разочарованно Розалинда и нахмурилась. – Куда ты спешишь?

– А что? – снова встревожился гигант, оглянулся вокруг и добавил, как будто оправдывался. – Со мной все хорошо.

– Да, но зто надо пить медленно, – начала она учить его, налила ему и в свой стакан и продолжила. – Вот так... Разбавляется водичкой и лед кладется...

– Можно и так, – заупрямился гигант, – только я люблю пить залпом. Чтобы вкус почувствовать.

– Когда медленно пьешь, сильнее чувствуешь, – строго взглянула на него Розалинда. – Если пить залпом, зто, как удар ножом. Раз-два и конец... И ничего...

Мужчина слабел от ее взгляда, искал способ защитить себя, но поскольку в голову ему ничего лучшего не пришло, он поднял вызывающе стакан и снова вылил виски в рот.

– Молодец! – от ее похвалы у него будто мурашки по спине забегали. – Теперь ты меня угостишь?

– У меня нет денег, – гигант съежился в кресле.

– Скряга!

– Посмотри на мой расчетный лист, – он сунул ей какую-то бумагу. – Я был в отпуске за свой счет. Но уже завтра у меня будет много денег. Один человек должен отдать мне долг.

– До завтра еще далеко, – вздохнула женщина.

– Не так уж далеко, – повернул он голову. – Надо только...

– Переспать, – подсказала она ему.

– Ну... – пожал плечами гигант, может быть, хотел напомнить ей, что время не подвластно ему, намек о „переспать" он пропустил мимо ушей.

– А сейчас что будем делать?

– М-м-м... – наморщил лоб гигант, – откуда мне знать.

– Счастливчик! – вздохнула она. – Ничего не знает. Дай мне прикурить хотя бы.

Мужчина быстро схватил спички, рассчитывая, что это спасет его от ее презрительного взгляда. Но как он ни старался, спички ломались в его пальцах, или сразу же гасли.

– Ни на что ты не годишься, – прикончила она его, вырвала спички из его рук и прикурила сама. – Вообще... ты на что-нибудь годишься, Евлоги?

– А как же?! Я тебе говорил, что я мастер... Каменщик-штукатур...

– Небось и передовик еще?

– Точно, – обрадовался ее словам Евлоги. – И в этом году и в прошлом.

– Молодец! – похвалила она его и так пнула пальцем ему в грудь, что он подпрыгнул. – А кто отрабатывает твою сегодняшную норму?

– Я, – неясно пробормотал Евлоги. – Завтра.

– Много ты отложил на завтра. Смотри, не переутомись.

– Все в порядке, – оглянулся не на шутку встревоженный гигант.

– Я вижу, – процедила Розалинда. – Зачем ты пошел со мой?

– Я... – начал суетиться Евлоги. – Ты мне показалась как-то более... Понимаешь... Думаю, вот... наконец-то...

– Небось, не похожа на жену твою, – прервала она его. Она медленно подняла стакан. Ее острый взгляд, преломленный хрусталем, врезался в мужчину. Он вздрагивал в

кресле как будто сидел на раскалениых углях, оглядывался вокруг – куда я попал? – наверное проклинал себя и искал благовидиый повод, чтобы смыться.

– Хочешь пойти со мной в одно местечко? – Розалинда поставила пустой стакаи иа стол.

– А зачем? – вытаращил глаза Евлоги и привстал с места как будто собирался бежать.

– Чтобы послушать, как голуби воркуют, – сиова остаиовила оиа его своим взглядом. – Если бы ты знал как сладко оии воркуют. Пойдем? Боишься, что ли?

– Ну что ты! – ответил гигант и встал, наконец-то иайдя способ, чтобы смыться. – Это далеко?

– Возьмем такси, – она взяла его под руку.

Я пошел за иими, прибрав с их столика докумеит, который впопыхах забыл Евлоги. На квитанции было иаписаио совсем другое имя.

„Оиа еще и плохо видит!" – подумал я с досадой.

Бармеи остановил меия:

– Оставьте мие свой телефои, – подмигнул ои заговорщицки. – Если тот зайдет...

– Вряд ли, – бросил я через плечо. – Он уже зиает, что за ловушку мы ему приготовили.

Но что было правдой, так это то, что пока я шел к выходу, совсем не думал про сыиа.

19

Марица Элефтерова, хозяйка четырехкомиатной квартиры, имеющая разрешение на частиую практику – „Аппарат „Велла" – завивка – перманеит и укладка", – владелица чистокровиого королевского пуделя, как указывалось в списке живущих в этом подъезде и чердачного помещеиия, иомер пятнадцать, стояла иеуступчиво в дверях и ие догадывалась пригласить меня войти.

– По какому вопросу? – настаивала оиа, абсолютно иесмущеииая видом моего служебного удостоверения.

– Вопрос деликатиый, – повторил я, и так как это не произвело иа жеищиiу иикакого впечатлеиия, я вынужден был спросить: – Вам известно, кто в настоящий момеит хозяйиичает иа вашем чердачке?

– Никто! – Марица тряхнула своим париком.

– Ну, ладно, – я хотел позвонить в соседнюю квартиру. – Давайте пригласим двух свидетелей...

– Свидетелей? – оиа с недоверием посмотрела на меия.

– Коиечно, – сказал я. – Нам надо подняться наверх и проверить.

– Подождите! – дернула меия за руку Элефтерова. – Давайте разберемся.

– Ну, с чем тут разбираться, – ие соглашался я. – В этот момент, на вашем чердаке...

– Входите, входите! – прервала оиа меия бесцеремоино, будто забыла, что я пришел ие для завивки волос.

Шагнув через порог, мне пришлось распрощаться с загрязнениым, но все-таки благодатным, софийским воздухом: в полумраке квартиры боролись за пространство тысячи густых и липких запахов. Мне казалось, что я иду через только что взорванный склад „Аромы". Мне было интересно узнать, сколько времени я продержусь, прежде чем упаду в обморок.

– Я не пью ни кофе, ии чай, – поспешил я предупредить хозяйку. – На ваш чердак поднялись мужчина и жеищииа. Вы уже догадываетесь, что они там делают. Вы отдали им ключ. А согласно уголовному кодексу параграф...

– Это ... – Марица привычным жестом отбросила мои слова. – Это вы про меия говорите?

– Естественно, – сказал я. – Чердак-то ваш. И не вздумайте рассказывать мне благоприличные версии – все чердачные версии мне известны.

– Неужели?!! – посмотрела насмешливо на меня женщииа и, порывшись в кожаиой папке, достала оттуда лист бумаги и помахала им перед моим лицом. – Что вы об этом скажете?

В первый момент я не смог сказать ни слова. Аккуратно иаписанные строки, скреплениые подписями и завереииые нотариусом, извещали о том, что Марица Элефтерова предоставила свой чердак Румеиу Георгиеву, чтобы он пользовался им как кабииетом...

– Все правильно, – пробормотал я. – И наем жилья тоже в рамках закона.

– Вот видите, – кивнула великодушно Марица, считая разговор оконченным.

– Вижу, – сказал я, – но ие могу поиять одну вещь: Румеи Георгиев сам подписал документ или нет?

– Подписала его жена, – прервала меня Марица. – Какое это имеет значеиие?

– И еще, как используется чердак – по предназначеиию, упомяиутому в договоре, или нет? – продолжил я.

– Этого еще мие не хватило! – разгневалась Марица. – Следить за ними!

– Как собственница вы должиы знать, что происходит иаверху, – улыбнулся я. – Имеино так...

– Хорошо! – примиренно вздохнула оиа. – Что я должна сделать?

Макияж как будто свалился с ее увядшего лица. Оиа спешила. Она была готова иа все, лишь бы любой ценой сохраиить свою священную собственность.

– Что нужно? – деловито настаивала жеищина.

Мие показалось, что оиа засучила рукава. Скажи я ей:

„Пойди, побей его!“ – она пошла бы.

– Давайте поднимемся наверх с двумя свидетелями и...

– А нельзя ли без свидетелей, – начала она всхлипывать. – Меня одной недостаточно?

– Я вас не понимаю! – посмотрел я на нее с удивлением. – О чем вы...

– Обо всем! – топнула ногой женщнна. – Я знаю, кто наверху, н что там делает. Эта сука тешится с кем-то...

От ее последннх слов повеяло такой ненавистью, что я отступил назад.

– Я готова подписаться! – настаивала она.

– Подпншнтесь, – смнренно посмотрел я на нее. Марица смутнлась. – С подписью можно подождать, – добавил я и вынул фотографню мужчины. – Этот человек когда-нибудь поднимался наверх?

То, как она уставнлась на фотографию, вселило в меня надежду. Марица взволнованно вглядывалась в резкие черты мужчны, она утонула в его открытом взгляде, забыла обо мне, о Розалннде, о своем чердаке, о накаплнваемой с трудом собственности.

„Ишь ты, бабуля! – подумал я изумленно. – Ей еще не чужд сердечный трепет“.

– Вы его случайно не видели! – начал я смиренно.

Слово вытянуло губы женщины, она готова была сказать „да“, но как только посмотрела на меня, тень легла на ее лнцо, она энергично покачала головой в знак отрицання, от ее взгляда повеяло ненавистью.

– Нет... Н-не... – стонала она и продолжала вертеть головой, как будто отрнцала все на свете.

„Ишь ты, ишь ты! – сказал я. – Становится ннтересным“.

– Я не говорю, что вы следили за ними, – улыбнулся я, – просто... может быть, случайно, вы их видели вместе...

– Н-не... – снова простонала она. – Все возможно... но это... Но этот – нет...

Она как будто защнщала мужчину. Наверное, знала, что онн с Розалиндой тешились на чердачке, но в своих мыслях она все еще защищала его от ее посягательств, не отдавала его ей.

– Я вас не поннмаю, – сказал я. – На самом деле, не понимаю...

Марнца вздрогнула, посмотрела на меня пристально. Она была похожа на человека, только что увидевшего во сне что-то хорошее.

– Он слншком краснв для нее, – резко сказала она.

„Обыкновенная женская зависть, – подумал я. – И все-такн...“

20

Я остановил машину на тротуаре напротив самого подъезда дома и был готов включить фары сразу как только те двое появятся у двери. Я хотел включить их на секунду, а потом уж выбраться как-нибудь из этой ситуации. Правда, пока не знал, как именно. Мотор приглушенно работал.

Пришлось ждать долго.

Розалинда поломала все мои планы. Совсем неожиданно она слегка открыла дверь ногой и начала выходить спиной ко мне. „Зачем так?“ – удивился я, тело мое напряглось, я был готов прыгнуть, но сразу расслабился... Мне пришлось зажать рот ладонью, чтобы не засмеяться. Как вьющийся виноградник, повиснув на мужчине, Розалинда яростно целовала его на каждом шагу, мучительно преодолевая его сопротивление и тащила его наружу. Готовый ко всему и на все согласный там наверху, на глухом чердаке, упрятанном в тень занавесок, сейчас он отчаянно сопротивлялся: „Ну, хватит... Хватит, говорю!“ – он был похож на человека, который борется за свою жнзнь. Оглядывался вокруг, помирая со страха, что его могут увидеть. А Розалннда как будто этого и хотела, его сопротивления. Она разъяренно тянула его из полумрака подъезда, из последнего, уже ненадежного их убежища, вытягивала, как улитку из ее раковины, готовая разорвать его, но любой ценой показать его застенчивого и опозоренного всему миру и – „Вот и мы! Так было! Так есть! Так будет!“ – объявить всем о своей победе и восторге. Ее возбужденность подсказала мне, что такие торжества в последнее время случаются с ней все реже...

Нельзя было терять время. Как только они повернулись лицом ко мне, я несколько раз щелкнул фарами и выскочил из машины. Гигант и Розалинда окаменели. Яркий свет, ослепивший их на секунду как фотовспышка, как будто парализовал их. Они стояли неподвижно и прислушивались. Боялись даже оглянуться. Если бы онн оглянулись, то увидели бы меня.

Евлоги как-то инстинктивно воспользовался оцепененнем женщины: оттолкнул ее и побежал вслепую по улице, что-то бормоча себе под нос и качал головой, как будто угрожал кому-то. Время от времени он тер губы ладонью, будто пытался стереть еще ее жаркие поцелуи, воспоминание о них, о женщине, обо всем, происшедшем с ннм после обеда. Он убегал по улице, не оборачиваясь.

Розалинда успела взять себя в руки. Она стояла напротив и смотрела на меня расширенными от ужаса глазамн.

– Вы... – еле-еле промолвила. – С неба...

– С неба, – кивнул я и указал на машину. – Садитесь.

Она подчинилась, идя как загипнотизированная, не отрывая взгляда от моих глаз. Ей хотелось узнать, с какой стати я поджидаю ее у подъездов в такое время... Она повалилась на сиденье и зажмурила глаза.

– Зачем? – прохипело в ее горле.

– Я же вам обещал, – я переключился на заднюю скорость.

– Бросьте, – махнула она.

Она выглядела сокрушенной. Ее слегка зажмуренные глаза, поблекшее лицо, вялый жест ее руки предлагали: „Не будем обманывать друг друга!" Я был готов согласиться, но знал, что под ее задремавшей позой зорко подстерегает меня ее несокрушимый, нападательный инстинкт.

Дойдя до угла за нами, Евлоги оглядывался по сторонам, изумленный необъяснимой пропажей своей партнерши. Пожал плечами – что делать? – и пошел прочь.

– Посмотрите в зеркало, – сказал я.

Розалинда уставилась перед собой: одинокая, удаляющаяся фигура мужчины заполнила ее глаза.

– Чистая работа, – улыбнулся. – Даже не попытался защитить вас.

Женщина снова зажмурила глаза. Другая на ее месте заплакала бы. Розалинда замкнулась в себе, готовясь к отпору.

– Зачем разрешаете обманывать вас, – спросил я миролюбиво.

Она не ответила. Наверное, все еще не перекрыла подходы к себе.

– Мне жалко вас, – сказал я.

– Неужели? – озлобленно сказала она. – Вам... Меня?!

– Я тоже человек, – пожал я плечами. – Вхожу в ваше положение. Столько риска, чувств, страсти! И зачем все это? Чтоб обмануть вас...

– Кто меня обманывает? – вздохнула она.

– Этот, – кивнул я назад и подал ей квитанцию Евлоги...

– Нет, – тряхнула головой Розалинда и вернула мне документ, даже не взглянув на него. – Можете портить мне вечер как хотите, но с этим я не соглашусь. Что бы вы ни говорили, у него все настоящее. Честное.

– Еще бы, – я постарался не выдавать свое раздражение. – Только он не Евлоги, – я опять подал ей квитанцию. – Посмотрите. И никакой он не штукатур, а тем более передовик.

Женщина отвела глаза от документа и уставилась мне в лицо. Ее губы расползлись в улыбке. Этой улыбкой она как бы проверяла мою реакцию, а я это не сразу понял и потом пожалел. Женщина откинула голову и захохотала. В ее смехе звучало откровенное издевательство. Она была похожа на человека, случайно перехитрившего меня. Нестихающий хохот выбил меня из колеи. Я сбавил скорость и остановил машину.

– Над кем вы смеетесь? – спросил я. – Над собой...

– Нет, над вами, – сказала она, прищурив глаза от ненависти.

– Вы довольны тем, что вас обманули? – я посмотрел на нее удивленно и продолжил, расчленяя слова. – Может быть, я поступил глупо...

Я выигрывал время, ожидал ее реакцию.

– Почему „может быть"? – снова захохотала она. – На самом деле было глупо. Какое значение в данном случае имеют наши имена? Наша работа... Престиж... Титулы... Вся эта мишура... Господи! Идешь по улице, встречаешь человека, он тебе понравился... И все!

– Но зачем он вас обманывает? – пожал я плечами и снова включил скорость. – Человек вырастает со своим именем! Оно всегда у него на языке.

– До имен мы вообще не дошли, – вздохнула она.

– Неужели! – посмотрел я на нее с испугом. – Настолько ли целеустремленно...

– Настолько! – прервала она меня и продолжила, как будто ее завели. – Имя, отчество, фамилия... Год рождения... Место работы... Чепуха! За кого вы меня принимаете? Я же не паспортный отдел? Или... из ваших...

– Не пытайтесь меня обидеть, – предупредил ее.

– Давайте лучше не будем спорить, кто кого обижает в этот вечер, – предложила она и зябко повела плечами. Пережив первоначальный страх, Розалинда приходила в себя, удобно усаживалась на сиденье, как птица в своем гнезде. – Нет, серьезно! – Она дружески посмотрела на меня. – Будем рассуждать... Когда причиняешь кому-нибудь боль... или удовольствие, он кричит, правда... И это его настоящая, спонтанная реакция... Но он не кричит свое имя. Ни титулы, ни заслуги. Иначе он был бы абсолютным идиотом.

„Она еще и философ! А я считал ее импульсивной, – подумал я. – Нам будет совсем нелегко с ней."

Розалинда наблюдала за мной. Я подмигнул ей заговорщицки, правда, ни к селу, ни к городу, даже как-то глупо, но все равно я подмигнул ей, и это выглядело как предложение: „Давай – мир! Что было, то сплыло..." Она улыбнулась, вздохнула, лицо ее расцвело и похорошело.

– Я чуть не упала в обморок, – призналась она.

– Когда, там у подъезда?

– Да, – кивнула она, – как только увидела вас...

– Я тоже упал бы в обморок, – сказал я. – Железная вы женщина.

– Вы и этим занимаетесь? – она пропустила комплимент

мимо ушей.

– Я вас ие понимаю, – пристально посмотрел я иа иее.

– Ну, этим, – оиа иемножко растерялась. – Кто с кем, куда...

– Редко, – пробормотал я. – Но если иеобходимо...

– Ага, – поиимающе кивнула она. – А если ие секрет... Что заставило вас идти по моим пятам?...

– По вашим пятам... сильио сказаио, – пробормотал я, поворачивая вокруг Русского памятиика. Час пробил. Надо было рисковать. Не было смысла продолжать этот и без того слишком затяиувшийся разговор.

– И все-таки? – иастаивала она.

Я сбавил скорость, достал фотографию и показал ей.

– Вот... этот человек, – сказал я.

Она вытаращила глаза и протянула руку, чтобы схватить фотографию, ио овладела собой. Теперь оиа ие зиала куда ей деть руку, как оправдать свой предательский жест. Розалинда провела рукой по лицу, медлеиио, ожесточеиио, пальцы ее дрожали.

– Этого еще ие хватало! – пробормотала она сдавлеиным голосом.

– Меия не иитересует имя, – сказал я. – Но если оио вам известио... Может быть, ои вас не обманывал.

– Нет, иет, – замкиулась оиа, ие отрывая глаз от фотографии. Если бы это было возможио, оиа своим взглядом вырвала бы ее из моих рук.

– Ои был откровеиным? – удивился я.

– Н-иет, – всхлипиула оиа, все еще ие в силах отвести взгляд. – Я вообще его ие... Впервые вижу.

Но ее взгляд говорил другое.

– Хорошо, – я сунул сиимок в карман. – Это я и хотел узиать. А теперь отвезу вас домой.

Я ожидал, что оиа не согласится. Наверное, ей хотелось остаться одиой, ио Розалиида кивиула и стисиула зубы.

До ее дома мы доехали молча. Когда я остаиовил машину у подъезда, оиа осталась сидеть. Розалинда пристально смотрела перед собой, будто думала о чем-то своем, и молчала. Она вздрогиула от моего вопросительиого взгляда: „Ах, да... Спасибо, что проводили!“ Оиа иеловко вылезла из машииы, как-то боком, и устало побрела прочь.

„Ну, давай, моя милая, – подумал я, – все равио ие помашешь мие на прощаиье, так что мие пора сматываться.“

Прежде чем свериуть с улицы я украдкой посмотрел иа служебиую „Волгу“ и увидел в ней иапряжеииое лицо Марко. Он вопросительио подиял брови, я кивиул ему утвердительио. „Все ясно!“ – прикрыл он глаза.

21

Поздио вечером иа моем письмеииом столе лежал иервио вырваииый из тетради лист. На ием рукой Розалинды было иаписаио: „Будь осторожен, тебя разыскивают! Что-то случилось. Не заходи. Позвони иа работу“.

Через полчаса после того, как я оставил ее у подъезда, оиа сиова вышла и, озираясь по стороиам, опустила конверт под капот „Запорожца“. Подписи под запиской ие было.

– Вот это да! – сказал я и протер глаза. Чувствовал я себя опустошениым, думал о сыие. Что ои делал в эту мииуту? Навериое, проклииал меия за то, что я не зашел к нему. – Ожидание и осторожиость дали свой результат, – добавил я.

– Правда? – заикнулся мой заместитель Кыиев. – Так быстро!

Его восклицаиие можно было прииять как выражеиие радостиого изумлеиия и одиовремеино как разочароваииый вздох: „Почему так быстро? А что мы будем делать теперь?“

– Как же так? – иастаивал ои.

– А так, – сказал я. – Мы бегали по следам и вдруг повериули.

– Гм! – просопел ои.

Ои мие не верил.

– За работу! – сказал я. – Клубок распутывается.

Я выдвииул ящик стола, чтобы взять ручку и увидел сложеииый вдвое листок: „Петраика Маричкова – тел...“ И иикак ие мог припомиить когда же я сунул его туда? И иа какой черт ои мие иужеи? Я ие находил ответа. И не выбросил листок.

22

Рано угром я побежал в „Пироговку“. Проскользиул мимо зорких глаз женщииы иа проходной, поднялся до отделеиия и попросил саиитарку позвать моего сыиа.

Еще только появившись в коридоре, Иво иадул губы:

– Зачем пришел?

В его голосе слышалось раздражение. „Какой смысл? – хотел спросить ои. – Приходи, ие приходи...“

Я растерялся.

– Я пришел повидать тебя, – пробормотал я, ие придумав иичего более умного.

– Имеиио сейчас? – просопел ои, оглядываясь. – Сейчас обход будет!

– Я не знал, Иво, – простоиало у меия в горле и чтобы как-иибудь заглушить стеиаиие, я огляиулся и едва ие

добавил: „Извини!“

В другом случае я отругал бы его: „Не кричи на меня!“ – но теперь меня даже обрадовала злобная энергия его голоса. „Лишь бы он поправлялся! – подумал я. – Лишь бы поправился, а то...“

– Как ты, сынок? – спросил я, в горле у меня пересохло.

Он вяло пожал плечами.

– Боли прошли хоть немножко? – продолжал я расспрашивать его.

– Вроде проходят...

– Лекарства дают?

Он снова вяло пожал плечами: „Дают, да что толку!“

– Глюкозой пичкают, – сказал он.

– Позвонить маме? – я попытался овладеть своим голосом. – Позвать ее?

Сын досадливо сжал губы, плечи его опустились: „Хочешь – зови, не хочешь – не зови...“ Ему было все равно. И теперь я осознал, что просто ищу повод, чтобы сидеть здесь и смотреть на своего сына. Просто сидеть и смотреть... Слышать его голос. В горле у меня ком застрял.

Иво, наверное, догадался, что со мной происходит.

– Пока! – махнул он как-то вяло, не дождался ответа и зашагал обратно по коридору.

Было видно, что он не особо спешит на обход. Никуда не спешил. Шел как-то апатично, безразлично, слегка пошатываясь...

А у меня ныло сердца, пока он шел и оглядывался назад.

23

До начала рабочего дня я должен был встретиться со следователем Симеоном Крыстановым, который занимался нашим случаем. Мы знали друг друга с давних времен, я восхищался им н завидовал ему одновременно. Он делал свое дело так же спокойно н легко, как н дышал. Никогда не кричал, не прибегал к недозволенным методам. Его лицо сохраняло добродушное и спокойное выраженне даже тогда, когда он смотрел в глаза самым закоренелым преступникам. Посторонний человек подумал бы: „Этот человек беззаботный, даже безразличный.“ А зто было совсем не так. И лучше всего это понимали люди, которые каждый день садились напротив него с единственной мыслью спрятать правду, умолчать о своей вине, если возможно, принизить ее. Он встречал их с улыбкой, разговором о погоде, о последней футбольной встрече. Так, что онн сразу начинали смущенно оглядываться. „Куда мы попали?“ – или сжимали губы: „Тут какой-то подвох!“ – а через минуту они всматривались в себя, проверяя надежность своих хитростей, давно выдуманных уловок. Они механически отвечали на его вопросы, пока с ужасом не понимали, что их версии, которые минуту тому назад казались незыблемыми, как египетские пирамиды, начинают рассыпаться как песочные у них на глазах.

Он говорил мягко, любезно, даже как-то мечтательно. Не ругался, не угрожал, говорил с чувством, я бы сказал, участливо. Он не вытягивал силой признание из последственного, не осыпал его упреками, чтобы тот сам обвинил себя, просто приглашал его обсудить вместе одну проблему: вот так обстоят дела, дорогой, что ты об этом скажешь...

В начале нашего знакомства я удивлялся: „Какая интуиция!“ Позже понял: он отлично знал людей, старался достичь до самых скрытых уголков их души, старательно готовился к каждому допросу (не исключено, и перед зеркалом).

После работы Крыстанов умывался, переодевался и как будто сразу перерождался, будто менял шкуру, становился совсем другим человеком: замкнутый, задумчивый. Только глаза улыбались устало и как будто безразлично. Он поджидал меня у входа, шел рядом и подталкивал меня локтем: „А не выпить ли нам пива, дорогой?“.

В пивной он ждал пока поменяют скатерть и, нагнувшись над столом, рассказывал мне, как провел выходные. Если бы кто-то услышал его со стороны, то подумал бы, что этот человек живет единственно ради выходных. Рассказ Симо был немногословным, разорванным, вертелся около одного и того же (если не ходил на рыбалку, то обычно копался в садике на даче). Но и в саду, и на рыбалке, он все время находил что-то такое, что удивительно могло повернуть его мысли в самое неожиданное русло...

А в действительности, сколько незначительными были поводы для раздумья: пшеничное зернышко, луковица, распускающаяся весной почка. Однажды я сказал ему: „Никогда не думал, что ты приходишь в восторг от таких... чуть было не сказал „мелочей“, – от таких простых вещей“. Тогда он удивленно посмотрел на меня и покачал головой: „От этого, дорогой, в восторг приходят не только дети, а все, кто любит природу. Только она всегда новая, разная... А если когда-нибудь перестанешь приходить в восторг, значит, тебе крышка, ты уже стал стариком, пора тебе прощаться с миром.“

Обычно он оплачивал счет: „Ты потерял столько времени, чтобы выслушать меня!“ – клал в целлофановый кулек

ужнн для семьн – около десятн кебапче[1] – „Жена возвращается усталой, не хватает временн на прнготовленне пнщи!“ – и мы расходилнсь. Ни слова о работе.

Вот такой человек ожндал меня в своем кабннете, ожнвленный н взбудораженный как актер, которому предстоит выход на сцену.

– Предлагаю тебе вестн разговор, – сказал он. – Ты ее знаешь, у тебя и общне темы есть с ней. Еслн потребуется, я буду помогать. Аналнз, который вы сделали вчера вечером, точный. Я не убежден только в одном, – почему бы ей не сказать, что ее знакомый мертв? Тогда, наверное, ее ничто не будет сдержнвать...

– Я категорнчески против, – прервал я его. – Мы как раз делаем ставку на то, что он жнвой. Пока они знают, что он жив, онн будут разыскивать его всеми способамн, будут проявлять актнвность.

– Подожди! – Крыстанов поднял руку. – Почему говорншь во множественном чнсле?

– Потому что я уверен, что Розалннда не одна участвовала в этой нсторнн. Подумай только, вряд лн она одна смогла бы поднять такого тяжелого мужчнну, перенестн его.

– Верно. Но что мы потеряем, если...

– Еслн онн поймут, что он мертв, – продолжил я его мысль, – онн тут же скроются. Розалинда обведет нас, как ей это захочется, она способна на это. Прнчем, некому подтверднть нлн опровергнуть ее слова.

– Ладно, – кнвнул Крыстанов. – Звать ее, что лн?

И пока он звонил на проходную, я разложнл документы перед собой.

Розалинда вошла в кабннет усталая и бледная. Было видно, что она не спала всю ночь. „И мы тоже не заснули, – подумал я. – Иногда есть справедливость в этом мнре.“

– Доброе утро! – я поздоровался с ней сдержанно. – Прнходнтся продолжнть наш вчерашннй разговор.

– Почему? – вздрогнула она, как будто проснулась. Она вся была настроена враждебно, готовая сопротнвляться. Мне уже была знакома эта стойка: змея, поднявшаяся над землей...

– Ну, почему... – я покопался в документах, лежащнх передо мной: хотел показать, что будто смущен ее дерзостью.

– Почему? – настаивала она.

Я посмотрел ей прямо в глаза. Она жаждала этого взгляда.

– Потому что вы вчера вечером сказала неправду, – процедил я сквозь зубы.

– Какую неправду? – задохнулась она.

[1]кебапче – рубленое мясо, жаренное на решетке в форме колбасок

– На этот раз будем разговарнвать прн свндетеле, – продолжнл я, как будто не расслышал ее вопрос, н кнвнул на следователя. – Мой начальннк. Крыстанов.

– Но о чем? – проплакал ее голос, хотя тело все еще было готово к нападенню.

– Все о том же человеке, – показал я ей фотографню.

– Но ведь... вчера вечером, – Розалинда совсем сдалась.

– Вчера вечером вы сказалн неправду, – настаивал я. – Вы его знаете.

Она как-то вяло покачала головой. Ее жест мог бы означнть н „Бабушкнны сказкн!“, н одновременно „Ну и что?“.

– Вы знаете его, н очень хорошо, – продолжнл я. – И этот человек много значнт для вас. Иначе вы бы не стали ему пнсать, – я подтолкнул к ней факснмнле пнсьма.

– Это ... Это... – занкнулась она н начала стрелять взглядом то на меня, то на Крыстанова. Ей нужно было время, чтобы выдумать новую ложь. – Да, – кнвнула она, – я напнсала его очень давно... Одному моему знакомому. Каким образом оно оказалось у вас?

Она проверяла нас. Хотела знать все.

– Пожалуйста, – я пододвннул к ней фотографии, на которых можно было увидеть, как она заталкивает конверт под копот „Запорожца.“ – Причем, – добавил я, – можно установить и когда его пнсалн. Не в вашу пользу запутывать нас. Вас вызвалн в качестве свидетеля н любая неправда...

Она спокойно выслушала напоминанне об ее ответственностн, которую несет за дачу свндетельскнх показанній. Лицо ее вытянулось, мышцы его напряглнсь, н вся она как будто высохла.

– Не пугайте меня, – вздохнула она. – Я уже вам говорнла... Не знаю его. Что касается пнсьма... правда, я отправила его вчера вечером, но оно другому человеку.

– Кому?

– Именамн не интересуюсь.

– Знаю, чем вы интересуетесь, – я задрожал.

– Имена – это ваша забота.

– И все-такн, кому адресовано пнсьмо? Опишите его, – я дал ей лнст бумагн. – Как он выглядит, кем работает... Все, что о нем знаете.

Она посмотрела на меня озадаченно, взяла лнст н уставилась глазамн в его белую поверхность.

Я поднял трубку и позвоннл на проходную.

– Евгения Маринова Русева пришла? – спроснл я. – Да, свидетельннца... Скажи ей, чтобы поднялась в комнату номер восемь.

Розалнида мяла бумагу, в ее зрачках мелькала паннка.

– Пншите, – приободрнл я ее. – Пншнте, что хотнте. С

вашей соседкой Евгенией мы только уточним, кто в последиее время вертелся вокруг вашей машины, – я разбросал на столе несколько фотографий и между ними снимок мертвого. – Этот, этот или этот... Мие кажется, что Евгения не ошибется, у нее зоркие глаза.

– Сплетница! – процедила Розалинда н бросила листок. – Ничего я не буду писать!

Она смотрела на меня с откровенной неиавнстью.

– Знаете что, – сказал спокойно Крыстанов, – у нас нет цели скомпрометнровать вас.

– Неужели? – иронично поджала губы женщина. – Интересно!

– Да, – ие дрогнул Крыстанов. – Если хотите, я распоряжусь, чтобы Евгения вернулась.

– Распорядитесь, – вздохнула она и прикрыла глаза.

Крыстанов поднял трубку. Розалннда слушала его, затанв дыхание.

– Вот что, Роза, – мягко иачал он. – Вы меня слышите?

– Да, – кивнула она. – Говорите...

– Все мы нуждаемся в любви, – вздохнул он. – Стремнмся к ней. И часто ошибаемся в этом стремлении. Иногда осознаем их. Нам больно, хоть плачь, время от времени даже плачем, но толку-то мало. Мир проходит мимо нас удивленный – Этот... илн эта, зачем так? – и ему наплевать... И так происходит, что однажды мы находим человека, который больше всего нам подходит. Он родился как раз для нас. Будто бы провидение послало его нам. Ради него мы готовы на все. И делаем все, что он захочет.

Розалинда слушала его с широко раскрытыми глазами. Она обдумывала каждое его слово, оценивала любой звук, раскладывала каждую вибрацию его голоса, чтоб уловить в них фальшь, уловку, хитрость.

– Зачем скрывать? – продолжил следователь, заметнв ее напряжение. – Порой этот человек вставал иа нашем пути с корыстной целью. И случилось непоправимое.

Сейчас был мой черед уставиться на Крыстаиова: неужели он развяжет язык, несмотря на нашу уговорку?

– Да, случилось непоправимое, – повторил он.

– Что имеино произошло? – прошептала Розалинда.

– Плохо, очень плохо, – покачал головой Крыстанов. – Одним словом, он впутался в страшную историю... Хочет впутать н вас. Вы этого не понимаете. Так что, правда горькая, но у меня нет другого выхода, я не могу скрывать от вас: вы не являетесь его большой целью, а просто одним... одим из многих средств.

– Ерунда! – Розалинда попыталась улыбнуться.

– Ерунда то, – не смущаясь, продолжил Крыстаиов, – что мы не хотим посмотреть правде в глаза... Нам не хочется признавать ее, а, прнзнавая, расстаться с нашей драгоценной иллюзией... – Розалинда встала, раскрыв рот, чтобы крикнуть. – Расстаться в сердце, – уточинл Крыстанов, – так как в сущности, смотря объективно, мы никогда ие были близкими. Никогда не были вместе. Близость – это просто выдумка, мираж в пустыне для нашей душн, которой хочется пить.

Розалннда села. Она дышала так устало и тяжело, как будто только что взобралась на непосильиую ей высоту.

– А еслн расстаемся в своем сердце, – повысил голос Крыстанов, – мы должны, мы просто должиы проявнть благородство. Ради иас самих. Чтобы завтра не плевать в зеркало на самого себя.

Теперь он настойчиво вглядывался в широко открытые глаза женщины, пытаясь проиикнуть в иих.

– Так как на фоне плохого в судьбе человека, – подчеркнул он, – есть н что-то лучшее н что-то худшее. И мы должны помочь человеку, направнть его к лучшему, а не толкать...

– Что вы хотите сказать? – прервала его Розалинда. – Что он преступник?

– Да. И прежде всего для вас.

– Для меня? – она вытаращила глаза, готовая язвнтельио смеяться.

– Вы не верите? – улыбиулся грустно Крыстаиов, протянул руку, покопался в документах, лежащих передо миой, выбрал необходимые фотографии и показал ей. – Смотрите... Это ваша машина?

– Да, – кивнула она.

– Что вам обещал этот мужчиив? Отремоитнровать машину. Отремонтировать как новую н уехать. Куда глаза глядят, одни и счастливые...

– Оставьте поэзию, – пробормотала жеищнна.

– Он вам обещал это? – настаивал Крыстаиов, но не получив ответа, указал на снимок. – А где покрышкн?

– Отнес их на вулканизацию.

– Какой заботливый! – улыбнулся он. – Посмотрнте на двигатель. Вы слепая, что ли? Ои все стащил, все до последиего винтика.

Затаив дыхание, Розалинда так уставилась на фотографию, будто бы впервые видела двигатель собственной машины.

– Вы правда слепая, – вздохнул Крыстанов. – Слепая от любви. Вы ждали, надеялись... А машина вашего счастья никогда не поехала бы. Никогда! – следователь покачал головой. – Тем более, он использовал машиину как тест вашей слепоты. Он крал все нахальнее, все открытее, у вас на глазах, чтобы увидеть, прозрете ли вы накоиец.

Розалинда заплакала.

Она привыкла проходить беспрепятственно сквозь

людскую толкотню иа улице – быстрая, изворотливая н ловкая, падкая до приключеиий, любопытная, беззаботиая, ведомая ложиым чувством свободы и безнаказаниости, – теперь оиа одииокая сидела иа стуле в тесном пространстве между четырьмя стеиами, выхода ие было. Она сидела, сжавшись под иашними взглядами и плакала. Смутиое чувство виины, иаверное, ие раз иашептывало ей, что рано или поздио ударит горький час возмездия... От одиой этой мысли сердце ее сжималось, н она, наверное, озиралась вокруг, пытаясь угадать, когда и каким образом будет прижата к стене.

Горький час иаступил. Жеищина всхлипывала н молча проклииала свою неосмотрительиость.

Нельзя было оттягивать продолжение разговора. Слезы могли вызвать апатию и тогда расспрашивай сколько хочешь и жди осмыслениых ответов, если у тебя нет больше дел.

– Розалиида, – пробормотал я. – Вы меня слышите?

Она кивнула, глотая слезы.

– Пора заканчивать – сказал я. – Нет смысла больше...

– Да, да, – повторяла она, и в голосе ее звучала такая готовиость делать все, что ей скажут, что я даже смутился.

„Вот так, – подумал я. – В ее совершенно безвыходном положении я приоткрыл ей дверку. Не бог зиает какую большую и, неизвестно куда, но все-таки дверку...

Я посмотрел ей в глаза:

– Как вы позиакомились с этим человеком?

– Случайно, – сказала оиа, остановившись взглядом на своих руках.

И вдруг заговорила. Вяло, колебаясь... Да, онн познакомились совсем случайно. Как-то вечером она вернулась домой усталая, совсем без голоса (весь день приходится перекрикивать своих учеников), с горьким осадком в душе – сплетники в школе опять замышляли что-то недоброе. Было бы за что, и то... связывали ее имя с имеием учителя математики. Однако нз тех надменных чурбаиов, иа вид холодных и неприступных, но только и ждущих, чтобы им кто-нибудь подмигнул. А подмигнешь им – только держись! Но стоит кому-иибудь спросить их: „Это правда? – и оии все будут отрицать. Для них нет ннчего святого, им все безразличио, они ии за что не станут бороться, боясь ошибиться...

В таком скверном настроении Розалинда вернулась в тот вечер домой. Мысли ее о людях и о себе были нсутешительными.

И тогда она увидела мужчину. Ои стоял иапротив дома, оперевшись на старый „Запорожец" и смотрел вверх.

– Куда он смотрел, – я вздрогиул, чуть ие уроиив ручку.

– Ну... – Розалиида бросила иа меия удивленный взгляд.

– Вверх...

– К вам?

– Нет, он ие смотрел туда – еще чего! – хотя ей и казалось, что ои давио стоит там и ждет ее. Да именно это называется перст судьбы! Оиа была убеждена в этом с самой первой минуты, хотя и не могла объясиить этого и восприняла его дерзкое присутствие как вызов. И даже выругала его: „Что ты здесь облокотился? Это машииа, а не..." „Машина... Что-то не очень похожа. На иее только и опираться, для другого оиа не годится." Он так спокойно встретил ее гнев, что она смутилась. „Раз так, – оиа невольио улыбнулась, – почини ее. Чего ждешь?" От ее слов веяло таким презреннем к мужчинам, что она была уверена, тот сразу поспешит исчезнуть и инкогда больше ие появится. „Чего ждешь?" – настаивала она. „Тебя жду, – сказал тот. Слова как-то неловко вырвались. – Тебя жду, чтоб ты мне приказала..." „Вот и приказываю, – сказала оиа, испытывая его. – Начннай..." И как ни страино, он иачал. Как в шутке.

– А вам все это ие показалось странным? – посмотрел я иа жеищину искоса. – Он вас ни разу не видел и сразу...

– Может быть, – оиа поспешила согласиться. – Я не обратила иа это виимания. Навериое, потому, что... – она вздохнула и задумалась.

– Что имеиио?

– Мие страшио хотелось, чтоб он остался, – вздохнула снова оиа.

– И все-таки, – настаивал я. – Вы не задалнсь вопросом – почему так сразу...

– Сейчас задаюсь, – пожала плечами Розалинда. – Наверное, он это сделал, потому что я его попросила...

– Но ои вас ие зиал!

– Мы понравились друг другу, – сказала оиа. – С первого взгляда.

Она сказала это так легко, что я усомнился, не скрывала ли она под этим ответом настоящую причину их знакомства. Уловив мою иерешительность, Розалиида настаивала на своем!

– Понравились друг другу. И все...

– Вряд ли, – пробормотал я.

Этим она была готова оправдать все.

– Как его зовут? – я посмотрел ей в глаза.

– Кого, его? – Оиа прищурила иасмешливо глаза.

– Да, его.

– Жоро. Отечество и фамилию не знаю. Для меня Жоро было достаточио.

– Это уже мие известио, – кивнул я. – Где он работает?

– На стройке. Но где имеино...

– У иего есть враги?

– Не знаю, – вздрогнула женщина, потупила глаза, задумалась.

– Он никого не боится?

– Никого, – она вызывающе посмотрела на меня. – Никого и ничего...

– О чем вы разговаривали?

– Ну, о чем... – в ее взгляде мелькнул упрек: „Зачем копаться в этом?“ – Знамо дело... – добавнла она.

– Вспомнните, – настаивал я. – Строили какие-то планы?

– Я строила планы... Жоро избегал зту тему. Говорил, что он суеверный.

– В каком смысле?

– Был убежден, что если говорить о своих мечтах, они не сбудутся. Говорнл: „Не люблю дергать черта за хвост.“

– А какой он человек? Что он такое?

– Как какое? – в ее голос прозвучала обида, как будто я спрашивал ее о том, что было известно всему миру. – Прекрасный...

– Нервный, спокойный? – я пытался уточнить. – Сдержанный илн...

– Исключительно спокойный! – тряхнула головой Розалинда. – Я не встречала более спокойного мужчины. И толерантный... Ко всему.

– Он был разговорчив?

Розалннда напряглась, зрачкн расширилнсь, она схватилась за письменный стол. Мне показалось, что через секунду она поднимет его, как штангист, над головой и бросит в окно.

– Почему вы говорите „был“? – процедила она.

– Ну, почему... – запнулся я и со страхом посмотрел на Крыстанова – он сосредоточенно листал какую-то папку. – Потому что мы говорнм о прошедших вещах. Кстати, когда вы видели его последний раз?

Если бы это было возможно, то она испепелила бы меня свонм взглядом.

– Десять дней тому назад, – пробормотала она. – Теперь не только голос, но все в ней затаилось и выжидало моей реакции.

– Выражайтесь точнее, – настаивал я, и глазом не моргнув. – Это важно... Когда видели его в последний раз?

– В последннй раз... – она задумалась. Был убежден, что считает дни, но не для того, чтобы сказать правду, а чтобы расставнть более умело свою ловушку. – Ровно десять дней тому назад, – резко сказала она и испытывающе посмотрела на меня.

Она врала: ее любимый уже три недели был мертв, – она провоцировала меня сказать ей больше о нем...

– Хорошо, – кнвнул я и притворился, будто записываю ее ответ. – Разговорчив ли был?

– Напротив, – вздохнула она и расслабнлась. – Слишком молчалнв... По-своему...

– Как зто? – усмехнулся я. Меня довело до бешенства ее стремление идеализнровать его. – Он красиво молчал?

– Нет, интеллигентно, – оскалилась она – Он впитывал в себя каждое слово, но не спешил с ответом. Иногда вообще не отвечал. Но зато все говорнлось к месту. Его слова запоминались.

– Неужели? – посмотрел я на нее.

– Да, – ответила убедительно она. – Запомннались... Навсегда.

Розалиида, наверное, не подозревала насколько важным было ее прнзнание, сколько путей к отступлению она отрезала сама. Она нетерпеливо заерзала на стуле. „Не пора ли заканчивать?“ – спросила она взглядом н заставнла меня потупить глаза, – как будто я не понял ее вопроса.

– А он интересовался вашим супругом? – спроснл я.

– Кем? – Она нагнулась ко мне, будто бы на самом деле не расслышала вопрос.

– Вашим супругом...

– А зачем ему это! – захохотала презрнтельно она.

– Да или нет?

– Нет.

– И профессией его не интересовался?

– Нет.

– А местом работы?

– Нет, нет и нет! – Розалиида разрезала нервно воздух ладонью. – Когда я начинала говорить о муже, Жоро всегда перебивал меня... Не хотел слушать...

– Он был в вашей квартнре?

– С какой стати? – удивилась она.

– Был или не был, – я терял терпение.

– Не был.

– Ни на минуту?

– Ни на минуту.

– Он расспрашивал вас о квартире? Как выглядит, какова планировка?

Розалиида улыбнулась, покачала головой:

– Если бы вы знали, как далеки вы от истины...

– Он вас расспрашнвал, или нет? – рассердился я.

– Нет.

– У вас есть привычка терять ключи?

– Что? – она посмотрела на меня с нспугом. „Этого еще не хватало!“ – хотела воскликнуть она.

– Я вас спрашиваю о ключах – сказал я. – Вы их теряли когда-ннбудь?

– Много раз, – грубо сказала она.

– Когда в последний раз?

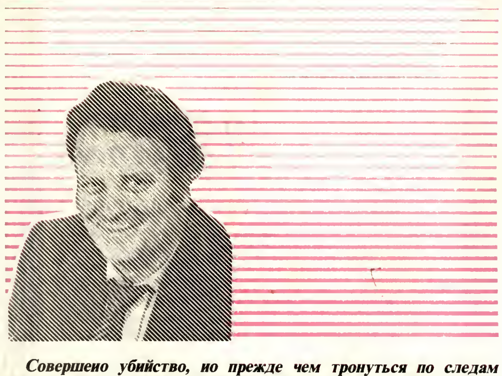
– Месяц тому назад.

Мы с Крыстаиовым переглянулнсь.
– Хватнт, – вздохнул он.

24

После того, как Розалннда вышла, мы все еще смотрели друг на друга, усталые, подавленные.
– Ну? – прокашлялся он.
– Опять обманула нас, – сказал я н провел ладонью по лицу. В этот момент я думал о сыне. Что ои делал? Вытекла лн его банка илн он все еще лежал в слезах от бессилня, наблюдая за капелькой в трубочке.
– Почему ты так думаешь? – Крыстаиов помог мне выйтн из забытья.
– Потому что оиа так устроена, – вздохнул я. – Она скорее умрет, чем скажет правду. А в конце концов, еслн посмотреть, то последнее слово все равно за ней.
– В этом ты прав, – кнвнул Крыстанов н уточннл. – Насчет коица...
– И вообще... – я безиадежио махнул рукой. – Все ясно.
– Разве? – нскоса посмотрел он на меня.
– Да, – отрезал я.
Мне не хотелось сейчас заииматься сложнымн анализами и зря терять время. Иво ждал меня, план о дальнейшем розыске уже был в голове.
– Скажн хоть что-ннбудь, – следователь не оставлял меня в покое. – Мие очень ннтересно.
– Она обманула нас насчет квартиры, – задумался я и продолжнл – он там был. Я в этом убежден.
– Почему? – улыбнулся Крыстаиов. – Ты забываешь, у иее есть чердак.
– Чердак иаходится слншком далеко от ее дома, – возразил я. – Просто нм некогда было пойтн туда. А эта женщииа, как только ей что-ннбудь взбредет в голову, обо всем забывает.
– Ну, ладно, а дальше?
– Все равно, он был в квартнре.
– Был? Ты думаешь, что говорншь?
– Да. Но ты на самом деле ее не знаешь... Еслн надо, она подннмет иаверх его по частям н опять... Чем рнскует?! Ее муж ушел с головой в сверхннзкне температуры, заткнул ушн ватой... Ребенок либо во дворе, в школе... И все-таки роковое свндание состоялось.
– С кем?
– С тем слоном, ее супругом.
– Ревиость?
– Почему бы нет? Иногда н слоны бывают ревиивымн. А если ои застал любовннка за изученнем результатов нсследованний...
– Он должен был бы его задушнть, – пожал плечамн следователь н добавил: – На месте н двумя пальцамн. На кой черт ему снотворное?
– Снотворное все еще для меня загадка, – прнзнался я. – С ннм много варнантов, но все остальное так, как я говорю.
Крыстанов нахмурнлся, готовый возразить мне.
– Не забывай, – поспешил я, – как она иастроилась враждебно, когда речь зашла об ее любнмом в прошедшем временн...
– Помню, – кнвнул коллега. – Ну, н что?
– Готов держать парн, – сказал я, – что она была там, когда умнрал, н знает все, но давно успокоилась н сейчас молчнт. Бонтся. Ты не представляешь себе, что означает для этой женщины, еслн ее посадят!
– Не могу себе представнть, – вяло кнвнул Крыстанов. – На самом деле, ие могу. А с тобой... Впервые не можем договорнться. Твоя версия выдохлась.

(Продолжение следует)

Совершено убийство, но прежде чем тронуться по следам преступника, следователю необходимо решить другую трудную задачу: установить личность убитого... Никто его не знает, никто его не ищет, никому он не нужен. В конце концов ниоткуда даже не поступает сигнал, что из трудового коллектива, из дома, из семьи исчез человек.

Следя за интригующими перипетиями расследования убийства, автор ненавязчиво и умно затрагивает проблемы жизни и смерти, смысла человеческого бытия.

